

✓ К-14038

П301496

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 208

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Выпуск 15

36

1 р. 20 к.

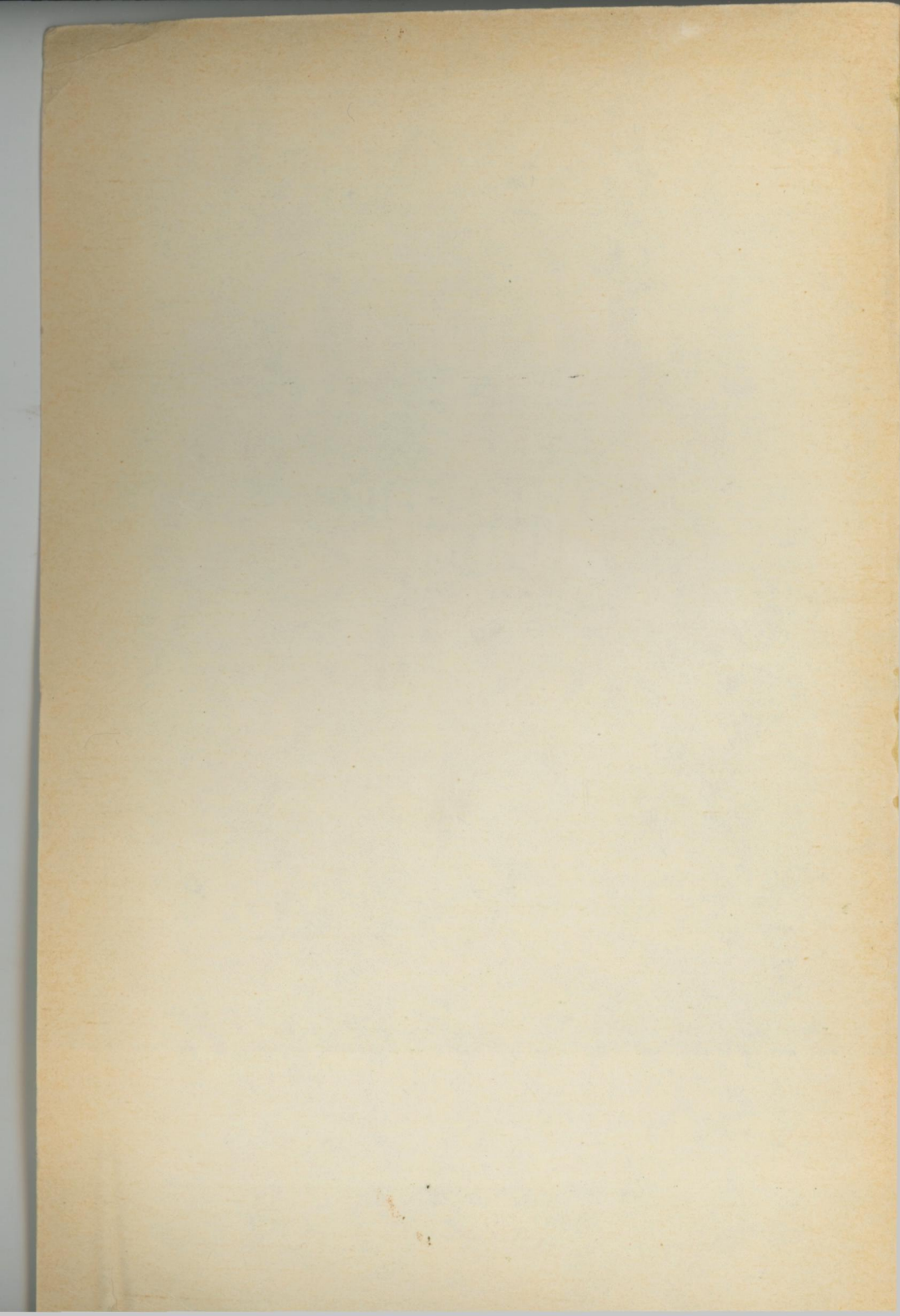
Вестн. Харьк. ун-та, № 208, вып. 15, 1981, 1—112.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00271136

8

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 208

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

ВЫПУСК 15

Основан в 1965 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1981

Логика и методология научного познания, вып. 15. Вестн. Харьк. ун-та, № 208. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. — 112 с.

В вестнике рассматриваются актуальные вопросы марксистско-ленинской философии, теории познания, формирования личности и ее ответственности, истории философии, критики современной буржуазной философии.

Для научных работников и преподавателей вузов.

Печатается по решению кафедры философии (протокол № 11 от 22 марта 1980 г.).

Редакционная коллегия: А. Ф. Плахотный (отв. ред.), О. Г. Берзин, Ю. Ф. Бухалов, Л. Н. Дениско, А. А. Иванищенко, А. А. Мамалуй, В. П. Педан (отв. секр.), Г. Н. Садовский.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, госуниверситет, кафедра философии, тел. 40-17-12.

Редакция гуманитарной литературы

А. Ф. ПЛАХОТНЫЙ, канд. филос. наук, Е. А. ПОДМАЗКО

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

На современном этапе развития советского общества существенно возрастает актуальность проблемы социальной ответственности. Интересы практики формирования социальной ответственности молодежи и всех советских людей требуют создания целостной системы научных знаний об этом явлении. В настоящее время существует достаточная теоретическая база для разработки на основе принципов диалектического и исторического материализма комплексной теории социальной ответственности, которая синтезировала бы в себе достижения общественных наук, всех областей гуманитарного научного знания, исследующих социальные группы, трудовые коллективы и личность советского человека, их сущность, общественно-политическую и трудовую активность. Теоретическая система знаний о социальной ответственности способствует разработке методов и форм деятельности идейно-воспитательных органов и учреждений Коммунистической партии и Советского государства, всесторонней подготовке педагогических кадров, многомиллионной армии воспитателей и наставников.

Следует отметить, что политика и практическая деятельность партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по воспитанию всех трудящихся в духе высокой социальной ответственности, в свою очередь, оказывает большое влияние на содержание теоретической системы знаний, способствующей успешному решению любых практических задач. Идеино-воспитательная работа партии, ее политика в области коммунистического воспитания формирует цели, задачи, основные направления теоретической мысли в этой области. Все это не может быть не учтено при определении функций теоретической системы знаний о социальной ответственности, поскольку эти функции рассматриваются, исходя из соотношения теории и практики. С теоретико-методологической точки зрения формирование такой теории стимулируется продолжающимся процессом интеграции научного знания и его перспективными последствиями. При этом основополагающее значение имеет указание XXV съезда КПСС о том, что «новые возможности для плодотворных исследований

как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук...» [3, с. 72].

При построении такой теории, как и всякой иной объективно истинной теоретической системы знаний, наряду с формулированием и объяснением ее основных понятий, важным моментом становится выявление ее предметной области исследования. Причем диалектика этого построения, глубина проникновения теории в сущность предмета социальной ответственности в решающей степени определяются содержанием выбранных «первичных» понятий теории, тем, какой аспект объективной реальности нашел в них свое отражение.

Известно, что понятия той или иной теории по своему месту и значению неравнозначны. Есть понятия фундаментальные для данной теории. Они отражают общие закономерности исследуемого ею предмета и имеют отношение, по существу, ко всем разделам теоретической системы знаний. Кроме фундаментальных, есть понятия, относящиеся только к отдельным разделам теоретической системы знаний, они отражают не общие закономерности предмета данной теории, а отдельные его стороны, моменты [5, с. 503].

Наиболее важным, решающим не только для первоначального построения, но и для всего последующего развития теории считается выбор и анализ ее фундаментальных понятий. Н. И. Лобачевский в связи с этим писал: «Первые понятия, с которых начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены к самому меньшему числу» [7, т. 1, с. 186].

Взросшее внимание к проблеме ответственности не исключает того факта, что еще недостаточно разработанной остается общая теория ответственности. В каждой из наук она рассматривается под специфическим углом зрения, что нередко ведет к одностороннему пониманию сущности ответственности, абсолютизации какой-то ее грани, анализу ее преимущественно как правовой или этической категории, а также объясняет наметившуюся тенденцию к отождествлению социальной и моральной, социальной и правовой, социальной и гражданской ответственности и т. д. Поэтому принципиальное значение приобретает философский анализ проблемы ответственности, проведенный с позиций диалектического и исторического материализма, позволяющий рассматривать ее как общее целое, на основании которого можно проводить исследование отдельных ее типов и разновидностей. Следует отметить, что такой подход в научной литературе уже намечается.

Возникающая новая категория имеет право на самостоятельное существование в случае, если она отражает в каком-либо новом и сущностном аспекте социальную реальность, ее «территориальный ареал» или свойства и характеристики, которые не являются непосредственным предметом уже разработанных и утвердившихся категорий, или, по крайней мере, не представляют главного содержания последних [8, с. 31—33].

Как известно, при формировании любой новой научной категории логика познания следует двум обязательным требованиям: необходимости создания системы понятий, составляющих внутреннее содержание категории, и раскрытия связей и взаимодействия этого содержания с содержанием остальных категорий, вместе с которыми новая категория включается в более широкую и общую теоретическую систему. Эти два направления в теоретическом построении категории лишь условно разделены — они не только тесно переплетаются и взаимно определяют друг друга, но и взаимно проникают друг в друга. Эта неделимость познавательных задач имеет глубокую онтологическую обусловленность.

Категориальный анализ социальной ответственности предполагает раскрытие диалектической взаимосвязи категорий свободы — необходимости — социальной активности — деятельности — общения — образа жизни. Ответственность личности, ее свобода представляют собой социально-историческое явление, которое с необходимостью порождается общественными отношениями. Социальная ответственность — одно из проявлений связи и взаимной зависимости личности и общества. Сама же необходимость ответственности возникает в силу того, что эти отношения имеют противоречивый характер.

В то же время следует иметь в виду, что само разграничение «общественного» и «индивидуального» относительно. Не только потому, что каждое из них не может существовать в действительности без другого. Разграничение относительно прежде всего потому, что ряд индивидуальных действий, а во всех случаях и сами индивиды, субъекты также представляют собой нечто «социальное».

«Общественная деятельность и общественное пользование, — пишет Маркс, — существуют отнюдь не только в форме *непосредственно* коллективной деятельности и непосредственно *коллективного* пользования..., которые проявляются и утверждают себя непосредственно в действительном *общении* с другими людьми... Но даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью, — деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществить в непосредственном общении с другими — даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как человек» [1, т. 42, с. 49].

Таким образом, задачей теории социальной ответственности является раскрытие способов, форм, типов проявления общественного на уровне индивидуального. Понятным таким образом, задачи теории социальной ответственности требуют дополнительных методологических пояснений, и прежде всего более глубокой и ясной интерпретации выражения «проявление общественного на уровне индивидуального». Нетрудно заметить, что здесь мы упираемся в одну из фундаментальных философских проблем. Сущность вопроса, который мы рассматриваем, и путь его решения могут быть правильно

поняты единственно в философском контексте марксистско-ленинских положений о диалектике общего, особенного и единичного. Вместе с тем установки эти должны быть конкретизированы для специфической социальной реальности, притом в аспекте идеи о ее различных уровнях.

Вопрос заключается в наличии в отдельных явлениях не каких бы то ни было общих, повторяющихся признаков, а таких общих признаков, которые являются продуктом свойств системы как целого, которые особым образом превратились из свойств системы, целого в свойства отдельных ее элементов и явлений. Поэтому ядром теории социальной ответственности следует считать структуру последней как форму связи, способ организации бытия общества, социальных классов, групп и индивидов, как процесс многообразных связей личности в рамках общества и непосредственного окружения в разнообразных актах деятельности и поведения. Иначе говоря, предметом теории социальной ответственности, как относительно самостоятельной научной теории, должно стать развитие личности советского человека как таковой, во всех ее гранях и связях с окружающей средой, непосредственной и опосредованной. В этом отношении построение теории социальной ответственности, начатое с обоснования таких ее фундаментальных, с нашей точки зрения, понятий, как «свобода», «необходимость», «социальная активность», «деятельность», «общение», «образ жизни», «субъекты ответственности», «объекты ответственности», «инстанция ответственности» свидетельствует, с одной стороны, о необходимости выбора системного подхода для формирования теории, с другой — об огромных потенциальных возможностях дальнейшего развития данной совокупности понятий в довольно разветвленную и логически взаимосвязанную иерархическую структуру понятий всей системы теоретических знаний о социальной ответственности. Поскольку интерпретация свойств и содержания совокупности основных понятий теории дает, в известной мере, начальное представление о предметной области ее исследования, то представляется целесообразным для дальнейшего выявления существенных связей элементов (разделов) логической структуры теории социальной ответственности уточнить одно из возможных содержаний понятия «социальная ответственность» или «система социальной ответственности».

Социальная ответственность есть категория для обозначения меры свободного проявления субъектом деятельности, познания, оценки и общения своей обязанности и права избрать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества и коммунистических идеалов всего человечества.

Понятие «система социальной ответственности», а иногда просто «социальная ответственность» может применяться для характеристики комплекса, совокупности различных ее прояв-

лений, как со стороны отдельной личности, так и со стороны малой социальной группы, класса, общества и всего человечества в целом. Это же понятие может характеризовать и инстанции ответственности. Понятие «система социальной ответственности» дает представление и о масштабах, ступенях развития последней у различных субъектов.

Такое допущение не нарушает общей логики иерархической структуры понятий теории социальной ответственности. Вместе с тем, опираясь на данное определение, можно более четко, на наш взгляд, представить себе связи и отношения между всеми возможными понятиями теории, выделить среди них основные и неосновные, общие и частные. Кроме того, исследователи могут более осознанно подходить к употреблению понятия «социальная ответственность» в точном соответствии с вкладываемым в него содержанием в соответствующем контексте.

Понятие «система социальной ответственности» включает совокупность взаимодействующих субъектов, инстанций и объектов социальной ответственности.

После того, как выбраны и обоснованы основные понятия, сформулированы наиболее общие положения рассматриваемой области теоретической системы знаний, можно переходить к определению предмета теории структуры социальной ответственности. В качестве отличительных черт диалектического рассмотрения предмета В. И. Ленин выделял исследование его всесторонне, в развитии, «самодвижении», включение общественной практики и принципа конкретности истины [2, т. 42, с. 290]. Рассмотрение под углом зрения этих ленинских требований накопленного опыта исследования закономерностей социальной ответственности позволяет заключить, что предметной областью исследования данной теоретической системы знаний являются закономерности процесса образования типов, видов и разновидностей социальной ответственности, содержание которых раскрывается в совокупности различных материальных и духовных явлений, связанных с их формированием у субъектов различной общности.

Исходя из данного нами определения предмета теории социальной ответственности, можно указать на некоторые общие закономерности исследуемого явления, которые предопределяют, логически обосновывают вычленение самостоятельных разделов в содержании данной теории, ее функции.

Основная функция этой теории состоит в том, что она исследует законы происхождения, функционирования и развития всех типов социальной ответственности как общественных институтов регуляции отношений и как средств воспитания трудящихся. На основе этого раскрывается взаимодействие всех сфер общественной жизни, прежде всего экономики, политики, идеологии, права, морали, с одной стороны, и социально-групповой индивидуальной жизни, с другой стороны, и рассматриваются все аспекты проявлений самой социальной ответственности:

философско-социологический, экономический, политический, идеологический, правовой, моральный, семейно-бытовой, профессиональный и личностный. Классовый подход к социальной ответственности, понимание ее сущности как продукта взаимоотношений общества и личности, опосредованных классовыми и индивидуально-групповыми интересами, как политики, осуществляемой специфическими средствами с целью воспитания людей, дает возможность установить характер и типы субъектов и инстанций социальной ответственности, ее виды и разновидности, критерии их определения, выяснить их роль в общественном развитии.

В теории социальной ответственности представляется возможным выделить несколько аспектов.

Первый аспект состоит в том, что эта система может быть представлена как отражение целостной совокупности связей между типами, видами и разновидностями проявлений социальной ответственности, разняющимися по сферам действия. Понятийное отражение законов, выражающих эти связи, составляет предмет таких наук как диалектический и исторический материализм, политическая экономия, научный коммунизм, история, история КПСС, марксистско-ленинская этика и иные науки.

Второй аспект теории социальной ответственности заключается в том, чтобы представить ее как отражение единства законов двух различных порядков, проявляющихся в форме противоположностей и различающихся по характеру функционирования структуры социальной ответственности. Законы, которые становятся в теории законами научных знаний о социальной ответственности, равно как и вообще все законы, изучаемые любой наукой, по характеру действия принято делить на законы статической и динамической структуры. Различие между ними носит, в известной мере, относительный характер.

Законы статической структуры выражают необходимые и существенные связи между элементами структуры социальной ответственности. В них наиболее полно выражен момент устойчивости явления, временного покоя. К их числу относятся, например, законы, которые определяют взаимосвязь типов, видов и разновидностей социальной ответственности, их организационную структуру, морфологию.

Законы динамической структуры выражают изменение связей между видами социальной ответственности в процессе движения, трансформации, противоречивого развития явления. Эти законы отражают момент изменения настоящего явления в данном его качестве. Они отражают процесс взаимопревращения функций: индивидуальной — в социально-групповую, социально-групповую — в классовую, классовой — в общенародную, общенародной — в общечеловеческую.

Третьим аспектом теории социальной ответственности является тот, который различает законы по типу действия.

Законы по этому признаку принято делить на динамические и статистические.

Динамические законы (жесткой детерминации) выражают связь между явлениями строго однозначно, выступают выражением простейших связей. В структуре социальной ответственности эти связи имеют место между элементами непосредственной и опосредованной микросреды, формирующей субъекта. Мы их называем связями совпадения. Двусторонние связи между такими элементами, как ответственность за преобразование действительности и экономическая ответственность; ответственность за познание действительности и ответственность, вытекающая из общественного разделения труда; ответственность за ценностную ориентацию и идеологическая ответственность; ответственность за общение и политическая ответственность — есть связи, которые характеризуются законами жесткой детерминации.

Статистические законы — это те, которым подчиняются совокупности явлений. Они не определяют строго однозначно результат для каждого отдельного явления, в массе которых действует этот закон, а дают о себе знать в целом, в итоге, через множество частных и нередко значительных отклонений. Социологические законы, как известно, относятся к типу статистических. Связи между элементами микросреды и макросреды, непосредственно окружающей субъекта ответственности, подчиняются статистическим закономерностям. В структуре социальной ответственности мы их характеризуем как перекрещивающиеся связи.

Наконец, структурные элементы непосредственной макросреды соединены с элементами опосредованной макросреды, окружающей личность, таким типом связи, который можно охарактеризовать как слияние. Этот тип связи отражает особый тип проявления законов, которые носят название сигматических законов. Их название происходит от символа, обозначающего математическую сумму. Эти законы реализуются в каждом явлении определенного рода наподобие динамических, но в отличие от последних не столь строго однозначно и не столь жестко фиксировано.

Вместе с тем, эти законы включают и вероятностные моменты и по этому признаку сближаются со статистическими. Законы этого типа проявляются в социальной ответственности при коммуникации между видами ответственности общенародного типа, с одной стороны, и коммунистическим аспектом общечеловеческой ответственности, с другой стороны, подобно динамическим, но не так фиксировано и однозначно, как в случаях проявления последних. Проявление вероятности здесь касается прежде всего степени полноты реализации функций общечеловеческой ответственности в функции общенародной ответственности. Законы данного типа, действующие в сфере ответственности, как бы суммируют черты проявления статистических

и динамических законов, но не сводятся к простой их сумме, ибо в них есть нечто выходящее за пределы свойств этих законов. Здесь о суммировании можно говорить лишь условно.

Сигматические законы весьма распространены. Их изучают различные науки. К этому типу принадлежат основные законы общественного развития в целом и все законы диалектики. Одно из отличий их от динамических и статистических состоит в том, что эти законы выражаются лишь в словесной форме и не могут быть выражены средствами математики, по меньшей мере в современных условиях [6, с. 312].

Четвертый аспект теории социальной ответственности связан с различием в степени существенности составляющих ее компонентов. Одни из законов выступают в этом плане как эмпирические, другие — как теоретические. Различаются они по глубине проникновения в сущность явления социальной ответственности.

Законы любой науки представляют собой этапы проникновения в сущность объективных процессов, ступени перехода от менее глубокой к более глубокой сущности. «Мысль человека, — писал В. И. Ленин, — бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца» [2, т. 29, с. 227]. Поэтому и степень существенности законов науки не одинакова.

Таким образом, теория социальной ответственности может быть представлена несколькими компонентами, разделами. В зависимости от взятых оснований в ней выделяются те или иные составные части, которые связаны с различиями в сфере действия законов, в характере их действия и «проникновения» в сущность социальной ответственности.

Каково же значение анализа теории социальной ответственности для выяснения ее структуры? Что дают исследования подобного рода для практики воспитания социальной ответственности как социального качества личности?

Отвечая на этот вопрос, следует отметить, прежде всего, то, что связь между познанием теории, отражающей действие законов в определенной сфере действительности, и практической деятельностью людей в этой области не является непосредственной. Между отраженной в сознании людей логической конструкцией системы законов (т. е. теорией) социальной ответственности и их действиями, поступками, поведением в реальной жизни, которые могут быть оценены как социально ответственные или как социально безответственные, существует немало промежуточных звеньев. Поведение людей в практической жизни непосредственно основывается на обыденных представлениях и на творческом использовании выработанных и узаконенных определенными документами и общественным мнением нормам и приемах взаимоотношений между отдельными людьми, общностями, выступающими либо в роли субъектов, либо в роли инстанций социальной ответственности. Приемы и нормы,

в свою очередь, основываются на практическом опыте, с одной стороны, а с другой, на принципах, раскрытых и сформулированных коммунистической моралью, теорией коммунистического воспитания. Данные принципы своим теоретическим источником имеют законы марксистской социологии, которые указывают на наличие в обществе определенных существенных связей, называемых ответственными. Но законы, как выражение этих связей, действуют в системе. И чтобы понять действие каждого из них, необходимо учитывать его функцию в системе, ее отличие от функций других законов. Наличие промежуточных звеньев между теорией социальной ответственности и практической стороной ее формирования у субъектов деятельности, многоступенчатость и опосредованность этой связи затушевывают, скрадывают отчасти огромное значение процесса познания теории социальной ответственности, но не может скольконибудь существенно приуменьшить это значение.

Установление факта деления научного знания о социальной ответственности на эмпирический и теоретический уровни ориентирует всех, кто занимается проблемой социальной ответственности, вести исследование по линии раскрытия ее наиболее существенных связей, проникновения в ее наиболее глубокую сущность, не ограничиваться ее поверхностным описанием, доводить исследование до анализа механизма формирования ответственности как качества личности.

Попытка комплексно осмыслить содержание теории социальной ответственности позволяет ставить вопрос о месте этой теории в структуре более общей теории коммунистического воспитания.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. 4. Абдильдин Ж. М., Нысанбаев А. Н. Диалектико-логические построения теории. — Алма-Ата: Наука, 1973. 5. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. — М., 1974. 6. Крупнов С. И. Логико-методологический анализ военно-научных знаний. — М.: Изд-во ВПА им. В. И. Ленина, 1971. 7. Лобачевский Н. И. Полн. собр. соч. — М.-Л., 1946. 8. Никонов Любен. К вопросу об идентификации предметной области понятия образа жизни. — В сб.: Человек, образ жизни, нравственное поведение. — София, 1977.

Поступила 23.04.80.

А. С. СМЕТАНИН

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ»

Современный этап строительства коммунистического общества выдвинул на повестку дня в качестве одной из наиболее важных и сложных задач формирование нового человека. Особое внимание этой проблеме уделено в материалах XXV съезда КПСС, XXV съезда Компартии Украины и в последующих постановлениях ЦК КПСС и Советского правительства. Решение

этой важной практической задачи невозможно без выяснения ряда теоретических проблем личности, и партия требует от философов качественного их анализа.

Одной из таких проблем является методологический анализ категории личности. Известно, что личность, как объект исследования, представляет собой систему со сложными и изменчивыми социальными связями, поэтому постоянно обнаруживается необходимость уточнения данного понятия с целью более адекватного отражения сущности определяемого объекта. Анализ литературы по вопросам личности позволяет сделать вывод о том, что при определении личности авторы не рассматривают в достаточной мере его методологических оснований, а в большинстве своем излагают наиболее характерные имеющиеся дефиниции, подвергают их критическому анализу [12, с. 43—48; 11, с. 42—57]. Нельзя не согласиться с мнением Л. В. Водогреховой, что исследования «по проблемам человеческой личности... не всегда... опираются на правильные методологические позиции» [7, с. 52].

По нашему мнению, исследование методологических оснований определения понятия «личность» позволит правильно подойти к определению личности и будет способствовать правильному, практическому решению многих теоретических проблем формирования нового человека. Поскольку в науке понятие выражает результат, итог научного знания и исследования на конкретном этапе познания, то рассмотрение методологических оснований, вместе с тем, является необходимой ступенью в процессе определения понятия «личность».

При анализе методологических оснований определения личности исходным моментом является прежде всего материалистическое понимание истории. Именно центральная идея марксизма — материалистическое понимание истории — является той теоретико-методологической базой, на которой основывается современная философская наука, разрабатывающая марксистскую теорию личности и ведущая принципиальную идеологическую борьбу с буржуазными концепциями. Материалистическое понимание истории, предпосылками которого «...являются люди, взятые не в качестве фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях» [1, т. 3, с. 25], дает нам основные и достаточные основания, позволяющие определить личность как категорию исторического материализма. Более того, сама марксистская теория личности выступает необходимой составной частью материалистического понимания истории.

В данной статье ставится задача проанализировать следующие методологические основания определения понятия «личность»: сущность личности и соотношение биологического и социального в личности. Эти методологические основания не

являются единственными, к ним можно отнести также такие, как активность, деятельность, отношения и др.

Сущность личности является центральной проблемой [14, с. 11] и не случайно в последнее время она достаточно исследуется в работах советских философов. Прежде всего следует назвать работы Л. П. Бугевой [5]. Выяснение сущности личности как методологического основания определения понятия «личность» — это вопрос о сущности явления, вопрос о главном, — и это тем более важно, что в научной литературе иногда смешивается сущность человека и понятие личности [8; 9].

Исходным при анализе сущности личности является известное марксистское положение о том, что «сущность» особой личности «составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*» [1, т. 1, с. 242]. Нельзя согласиться с тем, что в нем раскрывается только индивидуальная сущность личности, как полагает В. С. Вареник [6, с. 55]. Это положение имеет общеметодологическое значение в марксистской теории личности. Как у отдельной личности сущность определяется социальными качествами, которые могут быть различными, так и сущность личности вообще также определяется социальными качествами, определяемыми общественной средой. По классическому выражению К. Маркса, «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 3].

Согласно многим авторам, чью точку зрения разделяем и мы, сущность личности по сути дела совпадает с сущностью человека [13, с. 8], поскольку они определяются общественными отношениями. Различие между этими сущностями заключается в том, что совокупность общественных отношений применительно к личности определяет те или иные социальные качества, составляющие ее сущность и характеризующие личность на различных уровнях ее конкретизации: уровне общественно-экономической формации в целом (личность как таковая), классовом и индивидуальном (особая личность).

Совокупность общественных отношений включает как различные общественные отношения в настоящее время, так и общественные отношения исторического целого, поэтому личность хотя и является продуктом современности, несет на себе отпечаток всей предшествующей культуры и истории человечества. Насколько же полно и многогранно личность воспримет ценности материальной и духовной культуры данного общества, зависит от конкретных классовых отношений. Известная история человечества со времени распада первобытной общины характеризуется борьбой классов, сменой различных классовых обществ. В классовом обществе социальные отношения неизбежно носят классовый характер, ибо они существуют между большими социальными группами людей с различными или даже

противоположными интересами. В соответствии со своей классовой сущностью эти отношения адекватным образом формируют сущность личности конкретной общественной формации, класса, общественной группы или прослойки.

Классовый принцип, один из основных принципов материалистического понимания истории, является для нас определяющим в понимании сущности личности и, исследуя социальные качества, мы имеем в виду классовые качества, являющиеся главными, довлеющими в личности, т. е. такие признаки и свойства, которые позволяют ей стать активным сознательным субъектом практического преобразования действительности. Классовая борьба, борьба за претворение целей и задач рабочего класса, например, создавала в царской России условия для развития личности нового типа. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» [2, т. 30, с. 314].

Конкретный анализ классовых качеств сущности личности дает основной критерий ее типологии. Как отмечал В. И. Ленин, в марксизме «...действия «живых личностей» в пределах каждой... общественно-экономической формации... были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений... по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом, к действиям *классов...*» [2, т. 1, с. 430]. Однако сущность личности не тождественна типу личности. Если по объему они совпадают (у всех личностей сущность классовая и все личности входят в те или иные типы, подтипы и т. д.), то по содержанию тип личности богаче, разнообразнее, в содержании же сущности личности концентрированы наиболее существенные, характерные классовые качества.

Ядром социально-классовых качеств, характеризующих сущность личности, является классовая направленность личности. На практике это проявляется в том, какую жизненную позицию занимает личность по всем общественным вопросам. «Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает...» [1, т. 29, с. 492]. XXV съезд КПСС уделил внимание практической задаче выработки у советских людей активной жизненной позиции [4, с. 77].

Сущность личности как методологическое основание ее определения позволяет выделить уровень определяемого объекта. Личность как категория не может быть определена как совокупность общественных отношений. С нашей точки зрения, это возможно сделать на более высоком уровне конкретизации, а именно через совокупность социально-классовых качеств. Из этого следует, что сущность личности не часть или сторона сущности человека, а та же самая сущность, но поднявшаяся

на более высокую ступень многостороннего определения через совокупность ее классовых качеств и свойств.

Выяснение сущности личности тесно связано с анализом отношения биологического и социального, которое мы также рассматриваем как одно из методологических оснований. Соотношение биологического и социального в научной литературе по вопросам личности анализируется довольно широко, но почти не рассматривается как важное методологическое основание определения понятия «личность». От того, как исследуется соотношение биологического и социального, зависит во многом определение личности, — об этом свидетельствует анализ публикаций по данному вопросу. Например, В. П. Тугаринов и И. М. Фурман человека понимают существом биосоциальным, а личность социальной стороной человека. Существуют и точки зрения, согласно которым человек является или однозначно социальным существом (В. В. Орлов, П. Е. Кряжев, И. Ф. Балланкина) или биологическим существом (Н. С. Мансуров). При подобных подходах неминуемо разрывается связь между биологическим и социальным, тогда как для К. Маркса единство природы и человека не вызывает сомнений, и он решительно выступает против идеалистического отрыва человека от материальной действительности, от природы. Следует уточнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс чаще всего понятия «человек» и «личность» употребляли однозначно. В одном из писем Ф. Энгельса К. Марксу говорилось: «Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом..., а чтобы от него подняться к «человеку» [1, т. 27, с. 12].

С нашей точки зрения, марксово положение о том, что «...трудящийся субъект есть индивид, данный природой, природное бытие» [1, т. 46, ч. II, с. 477], раскрывает соотношение биологического и социального в личности. Как известно, К. Маркс природное видел в том, что человек одновременно и общество и природа, человек — часть природы и общества. Признавая естественное происхождение и биологическую природу человека, марксизм вместе с тем утверждает, что человек качественно отличается от животных и основу этого качественного отличия видит в общественно-трудовой деятельности человека. В борьбе против абстрактного понимания человека марксизм не отрицает биологическую природу, а наоборот, единство человека и природы рассматривает как конкретное историческое единство, определенное способом производства. На протяжении всей теоретической деятельности К. Маркс, не отрицая природной основы человека, подчеркивал, что человек не является только природным существом, но и существом социальным, а в конечном счете под социальным понимается общественное существование человека, представляющего собой диалектическое единство биологического и социального. В этом смысле понятия «человек» и «личность», как подчеркивает А. Г. Мысливченко, выражают одно содержание: «...при всей нетождественности

понятий «человек», «личность», «индивид» их различие нельзя абсолютизировать, ибо компоненты каждого из этих понятий, определяющиеся в основном соотношением социального и биологического, наличествуют во всех других, хотя и в различных пропорциях» [10, с. 37—38].

Личность, как «трудящийся субъект», является единством природного и социального, причем таким единством, в котором природное не выступает в качестве дополнения к социальному или наоборот, а основой, на которой развиваются личностные качества человека. Различаясь между собой уровнем развития материи с внутренне присущими законами, биологическое и социальное едины в том, что социальное в личности не существует вне биологических механизмов. В единстве своем они составляют целостность. В этом единстве определяющая роль остается за общественными закономерностями развития биологических предпосылок: структуры человеческого организма, органов чувств, генетического потенциала, — и в этом выражается «святость» биологического в личности, поэтому нельзя согласиться с положением о том, что необходимо включать в определенные личности биологические или психофизиологические характеристики, на чем настаивают В. М. Банщиков, А. А. Зворыкин, Я. Щепаньский. Мы думаем, что анализ соотношения биологического и социального способствует также уяснению степени социализации природных предпосылок на данном уровне развития общества, взаимосвязи природы и общества.

Поставленные в статье вопросы ни в коей мере не претендуют на окончательный вывод. Мы поставили задачу выяснить методологические основания определения понятия «личность» и акцентировали внимание только на некоторых из них.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXIV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1971. 4. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. 5. Буева Л. П. Человек: деятельность, общение. — М., 1979. 6. Вареник В. С. Историко-философские проблемы всестороннего развития личности. — Киев, 1978. 7. Водогреева Л. В. Методологические предпосылки исследования процесса формирования социалистической личности. — Вестн. Моск. ун-та. Теория научного коммунизма, № 2. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 8. Даутов Т. М. Личность как социологическая проблема. — Алма-Ата, 1970. 9. Кучинский В. Д. Личность, свобода, право. — Минск, 1969. 10. Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания. — М., 1972. 11. Надольный И. Ф., Лазоренко. Социализм и личность. — Киев, 1976. 12. Смирнов Г. Л., Советский человек. — М., 1972. 13. Социализм и личность. — М., 1979. 14. Строительство коммунизма и формирование личности. — Киев, 1976. 15. Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии. — Вопросы философии, 1976, № 3.

Поступила в редколлегию 10.01.80.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Постоянное совершенствование социалистической демократии, неуклонное расширение сферы социальной свободы и повышение активности масс в условиях развитого социализма требуют возрастания ответственности во всех областях жизни общества. Задача воспитания индивидуальной и коллективной ответственности у всех тружеников социалистического общества была глубоко обоснована на XXIV съезде КПСС [4, с. 68—69, 80, 84, 100, 168, 295, 298] и получила творческое развитие в материалах XXV съезда нашей партии [5, с. 40, 68, 71, 85, 173].

Осуществление этой задачи возможно лишь при условии всестороннего осмысления такого важного социального феномена, как ответственность. Анализ научной литературы позволяет утверждать, что несмотря на усиление внимания к проблеме ответственности представителей ряда научных дисциплин (этики, правоведения, психологии и др.), все еще недостаточно разработанной остается общая теория ответственности. В каждой из наук она изучается под специфическим углом зрения, и это правомерно, однако такой подход нередко приводит к одностороннему пониманию сущности ответственности, к рассмотрению ее лишь как правовой или этической категории. Неразработанностью общесоциологической теории ответственности объясняется, на наш взгляд, и допускаемое некоторыми авторами отождествление социальной и моральной, социальной и правовой ответственности.

В связи с этим перспективным является наметившийся в литературе философский анализ проблемы ответственности на основе достижений в исследовании ее конкретных видов. Философское знание проблемы ответственности дает возможность глубже, на более высоком уровне проводить исследование ее отдельных форм. В настоящей статье внимание автора сосредоточивается на категориальном анализе социальной ответственности — выяснении содержания и места понятия социальной ответственности в системе общественных отношений, уточнении места в системе категорий исторического материализма.

В марксистской социологии понятие ответственность раскрывает сложную диалектику связи человека с обществом. Анализ категории ответственности тесно связан с решением вопроса о свободе личности, соотношении объективной закономерности исторического развития и сознательной деятельности людей.

Как социальное явление ответственность возникает потому, что человек — существо общественное и «всякое проявление его жизни, даже если оно не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими проявлениями жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни...» [1, с. 590]. Ответственность вытекает из

взаимных отношений людей, их взаимозависимости. Она возникает из необходимости регламентации отношений, складывающихся в процессе производственной деятельности и взаимного обмена деятельностью [2, с. 272]. Можно утверждать, что экономической основой общества, в конечном счете, определяется политическая, юридическая и другие виды ответственности.

Производственные отношения составляют материальную основу ответственности, а ее содержание в классовом обществе приобретает классовый характер. При анализе проблемы социальной ответственности необходимо учитывать особенности реальной социально-экономической структуры данного общества, условий деятельности людей, классов.

Возникая на основе материальных общественных отношений, ответственность является стороной, моментом общественных связей и отношений — политических, правовых, моральных и других. Она выступает как объективное явление в общественной жизни, социальное назначение которого — регулировать отношения людей. Социальная ответственность как форма взаимодействия, как отношение личности и общества выражается в осуществлении взаимных требований, содержание которых, в конечном счете, определено объективной необходимостью. Будучи общественным явлением, объективным отношением, ответственность определенным образом фиксируется в общественном сознании. Она находит отражение в индивидуальном сознании человека, формируется как качество личности. Целостное рассмотрение ответственности — это рассмотрение ее как объективного отношения и субъективного качества личности.

Методологической основой изучения общесоциологической категории ответственности является диалектико-материалистический анализ соотношения свободы и необходимости. Сущность ответственности невозможно правильно понять без уяснения ее связи с марксистским решением проблемы свободы и необходимости, ибо любое свободное волеизъявление неизбежно порождает ответственность.

Диалектико-материалистическое понимание ответственности неотделимо от признания того, что свобода и необходимость существуют как диалектическое единство противоположностей — необходимость становится свободой в процессе познания общественных законов и практического их использования. Необходимость обуславливает и содержание ответственности как соответствие свободной деятельности субъекта объективной закономерности.

Историческая необходимость выступает как основание совокупной деятельности людей, изменения общества в процессе этой деятельности. Объективные требования к деятельности классов, социальных групп, личностей и т. д., которые диктуются необходимой конкретно-исторической ступенью развития общества в целом и наличной жизненной ситуацией, представляют объективное содержание ответственности. Только раскрытие

связи ответственности с необходимостью дает возможность выяснения ее объективной стороны.

Целеполагание, активность, выбор тех или иных возможностей действия, осознанное отношение к предъявляемым требованиям, их внутреннее принятие или отрицательное к ним отношение характеризуют субъективную сторону ответственности. Взаимодействие объективных предпосылок ответственности, побуждающих к действию через потребности, и субъективных, в том числе ценностных, в которых социальный субъект определяет принципы и формы своей деятельности, обуславливает конкретное содержание ответственности. Объективный и субъективный аспекты взаимосвязаны, образуют диалектическое единство.

Ответственность есть мера соответствия свободы и необходимости, выраженная степенью соответствия свободной человеческой деятельности объективной необходимости, тем конкретно-историческим условиям и закономерным тенденциям, в которых эта деятельность протекает. Так как ответственность — результат взаимосвязи личности и общества, а конкретное взаимодействие осуществляется в процессе социальной деятельности, то изучение ответственности неотрывно от анализа социальной деятельности. На наш взгляд, ответственность как общесоциологическую категорию можно понять и объяснить лишь исходя из специфики социального поведения, вернее, из специфики социальной деятельности и выяснения наиболее общих связей с этой категорией. Достижение цели в процессе деятельности зависит от того, в какой мере свободная деятельность соответствует тем объективным условиям, в которых она протекает, как согласуются усилия субъекта с интересами общественного прогресса, то есть зависит от социальной ответственности. Поэтому ответственность есть необходимый, обязательный элемент всякой сознательной, свободной деятельности. Она всегда проявляется там, где субъект выполняет общественно значимое действие, а также в том случае, если он не совершает действия, необходимого в данной ситуации. Совершенно верно указывают Р. Косолапов и В. Марков, что само содержание человеческой деятельности как деятельности сознательной, целеполагающей — свободной и ответственной в одно и то же время — требует от человека ясного представления о том, что именно и ради чего он делает и каковы могут быть последствия его действий. Реальное содержание ответственности таково, что с необходимостью требует от человека осознания этой ответственности и чувства ответственности [6, с. 74].

Таким образом, проблема ответственности неразрывно связана с человеческой деятельностью. При этом в качестве субъекта деятельности в марксистской социологии рассматривается как отдельный индивид, так и класс, партия, коллектив, то есть любая социальная группа, обладающая единством деятельности. Поэтому ответственность, с одной стороны, характерна для

отдельной личности и, с другой — одновременно представляет собой более широкое общественное отношение. Характеризуя деятельность как способ бытия социальной действительности, ответственность выступает необходимым атрибутом не только личности, но и всякого субъекта деятельности. Ответственность конкретно проявляется через деятельность различных социальных групп: классов, партий, наций, государств и т. д.

Бурное развитие общественной жизни, обострение классовой борьбы, процессы, вызванные современной научно-технической революцией, как никогда выдвигают проблему субъекта ответственности. Вместе с тем, этот вопрос недостаточно освещен в научной литературе. Многие исследователи данной проблемы игнорируют необходимость учета такой важной характеристики социальной ответственности, как всеобщность ее субъекта, суживают сферу ее применения, функционирования, исследуя в качестве субъекта ответственности только личность. В научных публикациях, как правило, преимущественно уделяется внимание вопросам, связанным с личной ответственностью. Но социальная ответственность не ограничивается личной ответственностью, а включает такие понятия, как ответственность класса, партии, нации, трудового коллектива, государства и т. д. Субъект, носитель ответственности представляет собой сложную диалектическую систему взаимоотношений общего (общество), особенного (социальные группы) и единичного (личность). В этой системе «отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит свое отражение в сознании каждой отдельной личности» [3, с. 103].

Всеобщий характер ответственности выражается не только во всеобщности субъекта, но и во всеобщности его объекта. Социальная ответственность как целое охватывает решительно все виды человеческой деятельности и поэтому имеет бесконечное количество граней, оттенков, выражающееся во всем многообразии объектов ответственности. Ответственность соотносится со всеми сферами проявления свободы и отражает наиболее существенные признаки деятельности общественного человека. Очень трудно дать завершенное перечисление видов, форм ответственности, так как невозможно определить все бесконечное многообразие общественных ситуаций личности и общества, как и невозможно определить все конкретные проявления человеческой деятельности.

Связанная со всеми видами деятельности, ответственность в зависимости от сферы человеческой деятельности и общественных отношений, в которые включен человек, приобретает конкретную форму и выступает как политическая, экономическая, моральная, юридическая, профессиональная и т. д., а также, если иметь в виду характер субъекта деятельности, — как общественная (коллективная) или личная ответственность. Тем самым категория ответственности является предметом исследования ряда отдельных наук, но, поскольку она связана с чело-

веческой деятельностью вообще, то является также предметом философских исследований и тем самым одновременно общесоциологической категорией.

Многообразие видов деятельности, общественных сфер, в которых действует субъект, определяет многоплановость, многогранность проявления социальной ответственности.

Социальная ответственность — это общее понятие, охватывающее многочисленные конкретно-исторические формы и виды ответственности. Между социальной ответственностью как целостным образованием и ее отдельными формами существует отношение не только в плане «часть—целое», а и по линии «род—вид». Каждая из форм является разновидностью социальной ответственности, потому что в любом случае деятельность, поведение человека в обществе представляют собой систему действий сознательной личности, в которых проявляются в первую очередь ее взаимоотношения с социальной средой. Только исходя из общей взаимосвязи, даваемой понятием «социальная ответственность», можно различать конкретные проявления ответственности и определять ее соответствующую специфику. Общетеоретическое содержание категории «ответственность» конкретизируется как применительно к разным субъектам ответственного действия, так и в зависимости от вида деятельности.

Политическая, экономическая, моральная, правовая, профессиональная (а также гражданская, воинская, семейная и др.) виды или формы ответственности составляют диалектическое единство и представляют ответственность как общесоциологическую категорию. Ответственность специфически проявляется в различных сферах общественной жизни.

Считаем, что социальная ответственность как общесоциологическая категория есть осознанное социально необходимое отношение субъекта (личности, класса, нации, общественной группы и т. д.) к прогрессивным общественным требованиям, проявляющееся в деятельности по реализации этих требований.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений.—М., 1956.—642 с. 2. Энгельс Ф. К жилищному вопросу.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд., т. 18, с. 203—284. 3. Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». —Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 93—113. 4. Материалы XXIV съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1971. 5. Материалы XXV съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1976. 6. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность.—М.: Политиздат, 1969.—95 с.

Поступила в редколлегию 23.03.80.

О ПРИРОДЕ ВЕРЫ И ЕЕ СООТНОШЕНИИ С УБЕЖДЕНИЕМ

Рассмотрение этого вопроса имеет большое теоретическое и практическое значение. По этой проблеме имеется множество точек зрения. Ряд исследователей считает, что категория веры может быть применима только к области религии, а во всех других случаях следует говорить об убеждениях [11; 14]. Так, К. К. Платонов категорично утверждает: «Я считаю, что «вера вообще» и «религиозная вера» — это одно и то же чувство. Двух вер нет. То, во что человек верит, для него не сверхъестественно, а не познаваемо. То же, что он может познать разумом, не является для него объектом веры» [14, с. 94].

Такой подход вызван, очевидно, имеющим свое оправдание стремлением подчеркнуть противоположность религиозной веры и нерелигиозного убеждения, а также тем, что понятия «религия» и «вера», с тех пор как они появились, всегда стояли рядом, зачастую приравнивались друг к другу, употреблялись и употребляются как понятия взаимозаменяемые.

Другие авторы, не считая, что вера может быть только религиозной, настолько жестко связывают ее с убеждением, что между ними устраняется всякое различие. П. В. Копнин совершенно справедливо отмечает, что вера представляет собой необходимый элемент практической реализации теоретических идей, выступает как «субъективное средство объективации идеи» [9, с. 246], ставит ее в один ряд с категорией «убеждение». Но затем он, по существу, отождествляет эти категории, когда подчеркивает, что вера «не только и не просто знание, а оплодотворенное волей, чувствами и переживаниями человека знание, перешедшее к убеждению» [10, с. 461—462]. Близкой к этой позиции является точка зрения Б. В. Сафронова и Л. Н. Дороговой. Вера, пишут они, есть «элемент разума, включающего в себя момент научной истины, практически проверенного знания о каком-либо явлении, процессе предмета» [16, с. 70]. Степень достоверности фактов или положений, по их мнению, в вере максимальна [там же, с. 71].

На наш взгляд, изложенные точки зрения являются все же слишком однозначными, категоричными, в них не учитываются особенности процесса познания и возникающих в ходе него убеждения и веры. А разграничение убеждения и веры, исследование их соотношения имеет не только теоретическое, но и огромное практически-политическое значение, так как позволит выработать наиболее верные методы идеологического воздействия и давать аргументированный отпор всякого рода буржуазным и ревизионистским измышлениям по поводу того, что якобы и коммунистические убеждения есть не что иное, как вариант религиозной веры.

Хотя сама категория «веры» имеет религиозное происхождение, но ее нельзя рассматривать только лишь как специфическую религиозную форму сознания: религиозная вера является частным случаем проявления феномена веры. Вера выступает и как характеристика такого психического состояния сознания, которое не имеет ничего общего с религией и является необходимым элементом реального общественного и индивидуального сознания. В основе веры могут лежать как истинные, но не подтвержденные практикой знания, так и знания ложные. В силу этого выполнять такая вера может различную социальную роль (как прогрессивную, так и реакционную), о чем свиде-

тельствует исторический опыт. Не относящаяся к религии вера, ослепляя людей, бывает крайне реакционной и в своем выражении может превосходить даже веру религиозную.

Что же представляет собой вера и какими факторами обусловлено ее существование как феномена сознания? Ответить на поставленный вопрос можно путем рассмотрения гносеологического и эмоционально-психологического аспектов веры.

Исходной методологической основой выяснения природы веры и ее соотношения с убеждением является положение Ф. Энгельса о противоречивом характере человеческой практики и познания. «...Человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена, — отмечал он. — Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» [2, с. 88].

Известно, что реально влиять на ход событий в объективном мире личной и общественной жизни люди могут только в настоящем и будущем. Будущее в связи времен человеческой жизни является не просто тем, что будет по истечении какого-то времени. Его несет каждый человек в своем настоящем, и прежде всего как ежесекундно совершаемую проекцию своего бытия в будущее. Без этой проекции, без вынесения себя в будущее, в представимый и предстоящий ход событий нет деятельности и сознания.

Стремясь к достижению определенных результатов своей деятельности, люди вырабатывали идеалы и ставили цели, в которых получала отражение их уверенность в творческие преобразующие силы. В русле этого стихийно-материалистического понимания мира, естественного объяснения явлений объективного мира зарождалась вера в силы и разум человека, его реальные возможности. Она опиралась на опыт предшествующих поколений и отражала прогрессивные тенденции общественно-го развития, в ходе которого человечество своим трудом увеличивало власть над природой и самим собой.

Во всем объеме информации, знаний, которыми располагает человечество в различные периоды своей истории, имеются знания, которые подтверждены практикой и приобрели значение бесспорных истин. Такие знания составляют гносеологическую основу убеждений. Но есть и такие, которые еще не могут быть проверены практикой, а следовательно, и квалифицированы как истина или заблуждение. Подобные предположения и идеи могут существовать длительное время, пока не появятся возможности и средства их практической проверки. Они могут формироваться как в сфере научного поиска, так и в сфере обыденного сознания. Такие знания составляют основу веры.

Безусловно, те знания, которые имеют значение объективных истин, уже проверены на практике, не являются предметом веры. Предметом веры могут быть только такие идеи, представления, которые практически еще не доказаны, т. е. не имеют значения абсолютно достоверных истин. Но несмотря на это, они могут быть основой деятельности. Ибо в силу ограниченности познания человек не всегда руководствуется проверенными знаниями и не всегда может познать объект до конца. А действовать ему надо, что, в свою очередь, предполагает построение образа будущих действий и их результата в сознании. Но в силу ограниченности наших знаний истинность и осуществимость этих образов, их реальность принимается на веру, полагаясь на авторитет их источника. Принимая те или иные знания за истину, личность на их основе создает идеальные модели способа достижения цели и действует в соответствии с ними. «Вера, — пишет Г. Клаус, — покоится на допущениях с целью восполнить пробелы в знаниях, которые не могут быть восполнены доказанными суждениями» [8, с. 152].

Вера, таким образом, имманентно присутствует в жизнедеятельности любого индивида, ибо в силу суверенности познания он не в состоянии всего знать и руководствоваться только твердым и проверенным знанием. Нередко приходится принимать те или иные решения в условиях дефицита информации или полагаться на знания, исходящие от авторитетного источника. Но это не значит, что вера включает в себя нечто абсолютно неизвестное, о чем нет даже элементарного представления. Она всегда предполагает определенное (хотя бы косвенное) знание об объекте, истинность представлений о котором является для личности бесспорной, хотя и не проверенной на практике. Вера, направленная в будущее, основывается на результате предшествующего познания, в нем она черпает свою силу и непоколебимость. В. И. Ленин, характеризующий периоды развития русской социал-демократической мысли, писал: «Когда кончается третий и начинается четвертый период..., — мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей» [3, с. 182—183].

Вера обычно находится на границе освоенного и неосвоенного, познанного и еще не познанного. В ее основе поэтому всегда лежат определенные предположения. Когда знают, убеждены — предположения не нужны. Где знание достоверно, там вера не нужна, она бессмысленна. Сейчас можно верить во внеземную цивилизацию. Но разве не абсурдно говорить сегодня о вере, например, в то, что человек может длительно пребывать в состоянии невесомости, или, что империализм есть вышедшая и последняя загнивающая стадия капитализма. По мере развития практики и все большего накопления и распространения знаний сфера веры отодвигается, уступает место убеждению, находя свой последующий объект в малоисследованных областях. Вера — это всегда некоторая экстраполяция познанного, настоящего, на возможное будущее, смелый вероятност-

ный прогноз, основанный на твердо установленных закономерностях. В этом своем качестве вера выступает как фаза в процессе формирования убеждений.

Предметом веры личности может стать не любое знание, представление, а лишь то, которое является носителем для нее определенной значимости и способно удовлетворить ту или иную ее потребность. В данном случае оно неизбежно вызовет определенное эмоциональное отношение личности и станет предметом веры. С этой точки зрения те сведения, которые далеки от сферы жизненных интересов субъекта, не вызовут к себе эмоционального отношения и не станут предметом веры.

Роль эмоционального момента в вере чрезвычайно огромна, он занимает в ней ведущее место. Являясь важнейшим фактором в приспособительных действиях человека, эмоции своеобразно компенсируют недостаток информации и помогают преодолеть трудности, вызванные дефицитом информации. «Особенно велика роль эмоций как движущей силы поиска информации, недостающей для удовлетворения потребности», — пишет П. В. Симонов [17, с. 38]. Эмоции в данном случае, ускоряя и усиливая реакцию личности на недостающую информацию, обеспечивают продолжение действий и при недостатке информации и одновременно способствуют поиску новой информации. Поэтому те идеи и представления, которые либо не имеют однозначного обоснования, либо подвергаются опровержению и которые одновременно имеют важное ориентировочное значение для данного человека, приобретают эмоциональную окраску, становятся предметом веры.

Такова, на наш взгляд, природа и содержание реальной веры. Что касается содержания понятия «религиозная вера», то оно во многом раскрыто в советской атеистической литературе [6; 7; 12; 14 и др.]. Вместе с тем в имеющейся литературе мало внимания уделяется анализу соотношения религиозной и безрелигиозной веры, религиозной веры и убеждения. Чтобы правильно ответить на эти вопросы, дать сравнительную характеристику, надо выяснить гносеологические и эмоционально-волевые основы религиозной веры.

В процессе исторического воздействия людей на окружающую действительность формировались не только материалистические воззрения, на основе которых складывалась реальная вера. Ограниченность практики и познания порождала, как известно, осознание ограниченности человеческих сил, их бессилие изменить окружающий мир, слабость и неуверенность человека. Беззащитность перед силами природы, социальное угнетение и эксплуатация в антагонистических формациях явились основой формирования религиозной системы миропонимания, которая провозглашала зависимость человека от сверхъестественных сил и целью которой являлось не содействие преобразованию действительности, а примирение человека с существующими по-

рядками. Религия, отражая и закрепляя бессилие человека, давала ему видимость (иллюзорность) понимания действительности, соответствия его опыту. Вследствие этого она приобретала для него большое эмоционально-психологическое значение как средство достижения эмоционального «равновесия». Человек, находясь в религии объяснение (безусловно извращенное) своего опыта, не понимая ее сути, начинал дорожить религиозными взглядами как истинными. Убедившись в собственной слабости, верующий видел в религии единственный путь к достижению цели. На базе этого у него формируется эмоциональное отношение к религиозным взглядам и представлениям, возникает и закрепляется религиозная вера.

По своему психологическому механизму религиозная и безрелигиозная вера сходны. Но их предметы и объекты прямо противоположны. Религиозная вера есть признание в качестве истины положения о том, что помимо видимого, реально воспринимаемого мира есть еще и другой мир, мир бога, сверхъестественных сил, где действуют иные, недоступные человеческому разуму силы, и что этот мир определяет все развитие материального мира и жизнь самого человека.

Характерной чертой религиозной веры является то, что предмет веры, существующий в сознании, объективируется, то есть считается, что предмет веры является не сама мысль и понятие о боге, но именно сам бог как где-то реально существующее, но не осязаемое существо. «Человек, для которого чувственный мир превратился в голую идею, превращает, обратно, голые идеи в чувственные существа, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. — Призраки его воображения принимают телесную форму. В его представлении образуется мир осязаемых, ощущаемых призраков. В этом именно заключается тайна всех благочестивых видений, — это есть в то же время общая форма безумия» [1, с. 202].

Предметом религиозной веры, таким образом, является образ, представление субъекта веры об ее объекте, которым является нечто сверхъестественное, бог и представляемое как реально существующее и все творящее. Значение предмета религиозной веры для верующего состоит в том, что он видит в нем своеобразное средство удовлетворения определенных личностных потребностей (утешения, надежды и т. д.).

Предмет религиозной веры (сверхъестественное, бог), являясь результатом фантазии, не поддается проверке. Отсюда неизбежность того, что религиозные догматы объявляются сверхразумными, недоступными человеческому познанию и поэтому должны быть приняты слепо, на веру. Критерием истинности этих представлений объявляется сама вера как «дар божий», а критерием глубины религиозной веры верующего считается уровень его эмоционального отношения к этим догматам. Поэтому в религиозной вере эмоционально-психологическое состояние личности является господствующим и определяющим по сравнению с познавательным моментом: решающее значение здесь принадлежит эмоционально-психологическому элементу. Вследствие того, что религиозные догматы не поддаются проверке и доказательству, признание верующими их в качестве истинных, привитие религиозной веры достигается не системой логических доказательств, а исключительно внушением. В целях манипулирования сознанием церковь прибегает к таким средствам воздействия, которые отвечали бы следующим требованиям: выражали общезначимые и важные ценности, были бы наглядными и вызывали эмоциональное отношение; речь, обращенная к группе, должна быть ораторски и литературно организованной, органически включенной в совершаемый ритуал, эффективность которого не в последнюю очередь зависит от уровня театрально-художественного оформления, в том числе и символики. Все эти средства должны быть максимально простыми, общедоступными,

содержащими минимум информации, не требующими доказательств и должны повторяться циклично в одних и тех же формах.

Таким образом, вера не является чисто религиозной категорией. В основе ее могут лежать истинные знания. По своему содержанию и социальной роли такая вера близка к убеждению. И вера и убеждение основаны на каких-то знаниях, в которых отражаются определенные отношения, связи, взаимодействия между материальными объектами. В них выражается отношение субъекта к объекту. И вера и убеждение сходны по механизму своего функционирования и по тому месту, которое они занимают в структуре сознания личности, в системе ее поведения. Они являются высокоэмоциональными состояниями сознания, способами оценки личностью отношения действительности к ее определенному идеалу. Они воплощают активность сознания, выражающуюся в готовности реализовать имеющиеся знания с целью достижения определенного результата.

Но между ними нет абсолютного тождества. Тождество, согласно диалектико-материалистической концепции, включает и различие. Основу веры составляют принятые человеком в качестве истинных те или иные идеи, представления, которые не могут быть в силу ряда причин однозначно и убедительно доказаны в данный момент, но которые имеют для него личностное значение.

Предметом убеждения, как правило, является доказуемое и проверяемое в настоящее время знание.

Вера и убеждение отличаются по роли и месту в них эмоционального компонента. В вере он занимает ведущее место; компенсируя дефицит информации, обеспечивает продолжение действий и при недостатке информации. Эмоциональный момент в убеждении занимает подчиненную по отношению к знаниям роль.

Вера религиозная и вера безрелигиозная (реальная) сходны по своему психологическому проявлению. Но они в корне противоположны по своей гносеологической основе, ибо различные их предметы и объекты, а также по характеру и природе эмоционально-волевого момента. Религиозная вера и вера безрелигиозная имеют в качестве своих предпосылок различную направленность. Если религиозная вера имеет предпосылкой неуверенность человека, чувство зависимости от сил природы и общества, то различные виды безрелигиозной, реальной веры опираются на положительные чувства оптимизма, уверенности, вызванные успехами, достигнутыми в ходе преобразующей деятельности. Безрелигиозная (реальная) вера и вера слепая, религиозная выполняют различные социальные функции: первая — содействует прогрессу, вторая — оружие реакции.

С психологической стороны вера религиозная, вера безрелигиозная и убеждение близки друг к другу, то есть выступают как уверенность в истинности тех или иных идей, представлений, что, по всей видимости, и дает основание некоторым авторам употреблять их как тождественные. Но при выяснении природы веры, ее соотношения с убеждением надо исходить из главного — их гносеологической основы. Тогда четко можно выделить: 1) веру как религиозную категорию; 2) безрелигиозную, реальную веру, которая в силу ограниченности познания и прак-

тики присутствует в теоретической и практической деятельности личности и 3) убеждение, образующееся на базе истинного, проверяемого и достоверного знания.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики. — Соч. 2-е изд., т. 2. 2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20. 3. Ленин В. И. Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6. 4. Букин В. Р. Психология верующих и атеистическое воспитание. — М., 1969. 5. Винер Норберт. Кибернетика и общество. — М., 1958. 6. Гараджа В. И. Неотомизм — разум — наука. (Критика католической концепции научного знания). — М., 1969. 7. Желнов М. В. Критика гносеологии современного неотомизма. — М., 1971. 8. Клаус Г. Сила слова. — М., 1967. 9. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. — М., 1968. 10. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. — М., 1969. 11. Носков А. П., Яновский Р. Г. Два уровня сознания и политические убеждения. — Новосибирск, 1974. 12. Носович В. И. Научный атеизм о религиозной психологии. — М., 1976. 13. Остряков В. В., Степановичус А. И. Социально-политические факторы формирования коммунистической сознательности трудящихся. — М., 1967. 14. Платонов К. К. Психология религии. — М., 1967. 15. Сапожников И. М. Структура политического сознания. — Минск, 1969. 16. Сафронов Б. В., Дорогова Л. Н. Мир человека. — М., 1975. 17. Симонов П. В. Что такое эмоция? — М., 1968.

Поступила в редколлегию 29.02.80.

О. И. ЗАЗДРАВНОВА

О СООТНОШЕНИИ НАУЧНОЙ ИДЕОЛОГИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Проблема соотношения научной идеологии и социалистической практики выдвигается прежде всего потребностями развитого социалистического общества. Этому обществу, как подчеркнуто на XXV съезде КПСС, присуще господство научной идеологии [3, с. 87].

Актуальность исследования соотношения научной идеологии и социалистической практики обуславливает необходимость решения проблемы соотношения идеологии и практики вообще. Это вовсе не означает какого-либо игнорирования конкретно-классового характера идеологии. Напротив, открывается возможность не останавливаться лишь на констатации классовых интересов, а продолжить анализ и раскрыть последние через призму общественно-исторической практики. В результате подобного подхода выявляется ряд проблем: связь практики классовой борьбы пролетариата и социалистической практики, соотношение науки и идеологии, роль научной идеологии в достижении социальной однородности и ее функции в коммунистическом обществе и т. п.

В марксистской философской литературе идеология рассматривается преимущественно в плане концентрированного отражения классового интереса, а соотношение научной идеологии и социалистической практики исследуется главным об-

разом применительно к практике классовой борьбы пролетариата. Последняя же не исчерпывает содержания социалистической практики, а представляет ее исторически преходящую форму. Поэтому наряду с исследованием идеологии и классового интереса представляется необходимым исследовать взаимосвязь научной идеологии и социалистической практики, взятой в ее полном объеме. В общем плане проблема заключается в том, что потребности практики коммунистического строительства обуславливают качественные изменения в структуре научной идеологии, в формах ее связей с общественной психологией и, в конечном счете, во взаимодействии общественного бытия и общественного сознания. Эта проблема в философской литературе специального освещения не получила, хотя уровень и выводы проведенных исследований указывают на правомерность ее постановки и решения.

Исследуя социальные функции научной идеологии, ряд исследователей обращают внимание на изменение этих функций в зависимости от решения конкретных социальных проблем [8; 12; 13; 15; 19]. Более того, устанавливается как зависимость научной идеологии от социалистической практики, так и обратное влияние идеологии на отдельные формы практики. Связь научной идеологии с общественно-исторической практикой исследуется в работах Э. В. Безчеревных, Ю. Ф., Бухалова, Б. А. Вороновича, Э. Х. Степаняна, И. Элеза и др. [6; 9; 10; 16; 18], вскрывающих диалектику этой связи: «Деятельность в области идеологических отношений выступает как форма общественной практики постольку, поскольку она происходит вне сознания, производит реальные, непосредственные изменения в общественной жизни (а не только в сознании как отражении последней) и осуществляется по определенным объективным законам, независимым от сознания, определяемым в конечном итоге законами развития материального производства» [9, с. 101].

С этой точки зрения общественно-историческая практика, осуществляющаяся в конкретно-исторических формах, выступает целостным образованием, в котором связаны материальное и духовное при определяющем значении материального производительного труда и революционно-преобразующей деятельности масс. Представляя деятельность по преобразованию природных и общественных условий, общественно-историческая практика выступает единой основой всех духовных образований и идеологии.

Открытие исторического значения практики и отведение ей соответствующего места в общественном сознании оказалось возможным лишь на основе исследования революционной практики пролетариата, положившей начало социалистической практике. Исходным историческим моментом социалистической практики явилась практика классовой борьбы пролетариата, как новая форма общественно-исторической практики вообще. Именно она, а не стихийная практика экономической борьбы, которую традиционно вел рабочий класс, вскрыла объективную необходимость революционного свержения буржуазных социальных порядков. Эта необходимость становится потребностью наиболее организованной части рабочего класса и выявляется путем теоретического исследования закономерностей общественного развития. Различение двух форм практики рабочего

класса — необходимое условие при выяснении истоков научной идеологии.

Научная идеология разрабатывается классиками марксизма как теоретическая форма социалистического сознания, преодолевающая узость повседневного практического опыта пролетариата, указывающая конечную цель их борьбы, пути и средства свержения капитализма. С этого момента берет начало собственно социалистическая практика, выступающая прежде всего как практика сознательной революционной борьбы пролетариата, а затем — как практика построения социалистического общества. Таким образом, социалистическая практика представляет общественно-историческую материальную деятельность, планомерно и сознательно реализующую идеалы научного коммунизма. Этот исторический тип практики охватывает период от внесения научной идеологии в пролетарское движение до построения коммунистического общества.

Оценивая роль научной идеологии в формировании социалистической практики, В. И. Ленин писал, что она обеспечивает *«организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»* [2, т. 4, с. 183]. Другими словами, будучи сама обусловлена практикой стихийно-классовой борьбы пролетариата, научная идеология способствует углублению и организации этой борьбы на принципах научного коммунизма и становлению социалистической практики. Научная идеология как революционная теория становится необходимым условием революционной практики, без которой невозможна реализация исторической необходимости перехода к социализму [7, с. 7].

Научная идеология не только концентрированно отражает коренные классовые интересы пролетариата, но и демонстрирует соответствие этих интересов практике построения нового бесклассового общества. Данное обстоятельство не всегда учитывается исследователями: обычно отмечают лишь соответствие классового интереса пролетариата требованиям общественного прогресса. Это, в принципе верное положение, недостаточно глубоко и конкретно, так как еще нуждается в детализации практики, обеспечивающей соответствие классового интереса общественному прогрессу. Не сам по себе классовый интерес, а практика, его реализующая, включается в ткань общественного прогресса. Практика социалистического строительства, реализующая классовый интерес пролетариата, осуществляется как воплощение в жизнь научной идеологии.

Главная цель пролетариата — построение коммунистического общества — может быть достигнута лишь на основе науки. Объективная заинтересованность в познании социальных процессов побуждает пролетариат стремиться к научному знанию: «Еще до того, как пролетариат завоюет свою победу на бар-

рикадах и на полях сражений, он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед» [1, т. 7, с. 440]. Именно связь объективно истинного знания с интересами и коренными целями пролетариата требует соединения идеологии и науки. «Социализм, — писал В. И. Ленин, — будучи идеологией классовой борьбы пролетариата..., основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д.» [2, т. 6, с. 362—363].

Проблема единства науки и идеологии, следовательно, требует рассмотрения социалистической практики во всем ее объеме. Принципиально иные потребности социальных сил, осуществляющих эту практику, замена стихийности общественно-го развития его сознательным управлением выдвигают на первый план проблему единства знания и интереса. В рамках научной идеологии решается задача превращения наличного знания в средство классовой борьбы пролетариата и построения коммунистического общества. Научная идеология становится регулятором деятельности широких масс трудящихся и влияет на общественное развитие через познавательную, организующую, коммуникативную и т. п. функции, так как оказывается в состоянии *«дать цельную картину нашей действительности»*, быть *«точной формулировкой действительного процесса»* [2, т. 1, с. 307, 308].

Практика социалистической революции подтвердила мысль К. Маркса и Ф. Энгельса, что «как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции»* [1, т. 3, с. 70]. Рост и развитие пролетарского классового и политического сознания неразрывно связаны с революционно-практической деятельностью рабочего класса, с его умением применять на практике основные положения научной идеологии.

С победой социалистической революции и построением основ социалистического общества в социальной структуре произошли коренные изменения. Прежде всего изменилась природа классов и социальных слоев социалистического общества, происходит их сближение на почве социалистической собственности на средства производства. Участие в решении вопросов социалистического строительства вызывает обогащение и единую ориентацию всего духовного мира, что сказывается и на положении научной идеологии: из идеологии рабочего класса она становится идеологией всех граждан социалистического общества.

Под воздействием научной идеологии развитие социалистического общества постепенно становится сознательным и управляемым. Суживается сфера действия стихийных сил, вследствие чего возрастает активность субъективного фактора.

Сознательная, целеполагающая практическая деятельность становится формой выражения объективных процессов. Сознательное постоянно включается в объективные процессы через различные формы социалистической практики, что составляет своеобразие диалектики объективного и субъективного при социализме. «Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства... и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки..., лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов» [1, т. 3, с. 70—71]. Объективность сбрасывает свой стихийный облик и приобретает доступную для осознания форму.

В период развитого социализма возрастают масштабы общественных процессов, повышается степень взаимозависимости различных форм социалистической практики. Повышая уровень сознательности и идейно-политической подготовки людей, развивая их социально-политическую активность, научная идеология способствует активизации процесса коммунистического строительства. С позиций принципов научной идеологии партия разрабатывает перспективные и текущие задачи, выдвигает лозунги, организующие и мобилизующие массы. Научная идеология выступает ядром теоретического сознания членов развитого социалистического общества, представляя собой аргументированное выражение коренных социальных проблем. В процессе устранения существенных классовых различий решение социальных проблем будет осуществляться всеми социальными слоями. Тогда, реализовав свою классовую сущность, научная идеология поднимется на свою высшую ступень, превратившись в коммунистическую идеологию.

Представляется несостоятельным утверждение некоторых философов-марксистов, будто в коммунистическом обществе идеология перестает существовать. Подобные выводы делаются на том основании, что идеология всегда выражает интересы определенного класса, а поскольку классы при коммунизме исчезают, то должна отмереть и идеология как специфически классовое явление [11, с. 72; 14, с. 85]. Чрезмерное акцентирование внимания на классовом содержании научной идеологии и сведение социальных проблем к классовым проблемам — основные причины этих выводов. С утверждением бесклассового общества научные представления об общественном развитии, сконцентрированные в научной идеологии, не исчезают, а становятся достоянием всех членов общества. В коммунистическом обществе еще более настоятельной станет проблема сознательного и эффективного использования и преобразования социальной среды. Идеология же, если она претендует на научность, не может ограничиваться простой констатацией общественных интересов, а должна формулировать строго научный

подход к решению актуальных задач на основе раскрытия закономерностей социальных процессов. На высшей стадии развития коммунистической формации перед обществом возникают особые социальные задачи, которые отразятся в научной идеологии с позиции творцов этого общества.

Пронизывая все структурные элементы общественного сознания, научная идеология в значительной мере обуславливает состояние общественного сознания в целом: идеологический момент — это то общее, что входит в содержание каждой формы общественного сознания, определяя единую направленность всех форм. Необходимость в правильной мировоззренческой ориентации строителей коммунистического общества определяет функционирование научной идеологии и в коммунистическом обществе.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. 4. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС. — Правда, 1979, 6 мая. 5. О состоянии и направлениях философских исследований. — Коммунист, 1979, № 15. 6. Безчеревных Э. В. Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. — М.: Высшая школа, 1972. 7. Берзин О. Г. В. И. Ленин о свободе и необходимости. — Харьков, 1978. 8. Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. — М.: Политиздат, 1978. 9. Бухалов Ю. Ф. Проблема практики и ее гносеологические функции. — В кн.: Диалектический материализм. — М.: Высшая школа, 1975. 10. Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. — М.: Мысль, 1972. 11. Гиндев Панайот. Философия и социальное познание. — М., 1977. 12. Гранов В. Новые реальности и борьба идей. — М., 1977. 13. Михальченко Н. И. Коммунистическая идеология и деятельность масс. — Киев, 1976. 14. Москвичев В. Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. — М.: Мысль, 1971. 15. Мивениерадзе В. В. Роль идеологии в жизни общества. — М., 1969. 16. Степанян Э. Х. Теория отражения, практика, общественное сознание. — В кн.: Общественное сознание и общественная практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 17. Философские проблемы идеологической борьбы. — М.: Мысль, 1978. 18. Элез И. Категория практики в трудах К. Маркса. — В кн.: Практика и познание. — М.: Наука, 1973. 19. Яковлев М. В. Идеология. — М.: Мысль, 1979.

Поступила в редколлегию 30.01.80.

Ю. Ф. БУХАЛОВ, д-р филос. наук, А. К. БУЛГАКОВ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Вопрос о месте технических наук в общей системе научного знания, их особенностях приобретает особое значение в условиях НТР, когда наука все в большей степени становится непосредственной производительной силой. В этих условиях значительно повышается роль технических наук, усиливается их связь с естественными и общественными науками. В последнее время опубликован ряд работ, посвященных главным образом выяснению специфики технических наук, однако, остается недостаточно ясным предмет технических наук, который и обуславливает их специфику. В статье предпринимается попытка

рассмотреть некоторые принципы подхода к определению предмета технических наук.

Обычно предмет науки определяют по его объекту, т. е. по тому явлению, процессу действительности (или сознания), который исследует данная наука. Такой подход представляется односторонним. Познание, особенно научное, не является пассивным, зеркальным отражением объекта, тем более, что в качестве последнего выступают определенные явления, процессы действительности, вовлеченные в сферу практической и познавательной деятельности. Познание, формируясь и развиваясь на основе практики, представляет активный процесс взаимодействия субъекта и объекта, содержание и результат которого (познавательный образ) обусловлены характером этого взаимодействия, зависит от потребностей, целей, знаний общества и данного субъекта. Поэтому определение предмета науки должно представлять определенное единство объективных и субъективных моментов.

Мы в основном согласны с А. И. Головиным в том, что в определении предмета науки необходимо учитывать прежде всего три существенных момента: объект изучения; цели и задачи этого изучения, которые обуславливают избирательное отношение к объекту, выделение определенных его сторон и соответственно — характер и содержание познания объекта; метод науки как способ решения поставленных целей и задач. Эти три момента определения предмета науки следует рассматривать исторически, в их изменении и развитии [3, с. 54—55].

Рассмотрим в связи с этим предмет технических наук прежде всего в сравнении с предметом естествознания. Технические науки генетически сформировались, с одной стороны, как производные от естествознания, на основе использования его законов для решения технических, инженерных задач, и с другой — на основе обобщения эмпирического опыта технической деятельности. Но в процессе своего развития, особенно в XX веке, технические науки приобрели относительную самостоятельность и стали специальной областью научного знания.

Объектом естествознания являются предметы и процессы природы. Естествознание преимущественно лишь выделяет природные объекты из их естественных условий, отвлекаясь от тех или иных свойств, связей их. Оно раскрывает сущность, законы изменения и в связи с этим возможность появления новых объектов. Естествознание, основываясь в конечном итоге на практике, стремится выявить законы природы в их, так сказать, естественном виде, т. е. так, как они действуют независимо от человека, безотносительно к возможности их практического использования¹. Нередко ученые, исследующие определенные

¹ Естествознание может рассматривать и свойства и законы движения предметов, созданных человеком, например движение маятника, колебания струны и т. д. Но объектом изучения здесь будут естественные, природные законы этого движения, в отвлечении от человеческой деятельности.

природные объекты, не могут даже в принципе представить себе возможную значимость исследования.

Видимо, следует особо выделить прикладное естествознание, которое, исходя из естественных закономерностей природных объектов, выясняет возможности использования этих закономерностей в практической, в частности технической деятельности, принципы строения и функционирования определенных технических устройств. Прикладное естествознание выступает непосредственным звеном, связывающим естествознание в целом с техническими науками. Различие прикладного естествознания и технических наук весьма относительно, тем более, что во многих случаях прикладные исследования в деятельности ученого (или коллектива ученых) непосредственно переходят в технические.

Объектом технических наук являются предметы, созданные практической деятельностью человека, точнее, те, которые составляют технику, и процесс их создания — технология. Под техникой имеется в виду «система искусственных органов деятельности общества, развивающаяся посредством исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта и знаний, путем познания и использования сил и закономерностей природы» [2, с. 227]. Теоретической основой технических наук является естествознание. На базе законов естествознания технические науки изучают строение и функционирование технических устройств, процесс их создания, использования (эксплуатации) и совершенствования, что и представляет их собственные объекты. В отличие от естествознания, технические науки стремятся не только не отвлекаться от влияния практической деятельности, но наиболее полно учесть это влияние, его возможности.

В технических науках целесообразно выделить две основные, взаимосвязанные области знания: знание о самих технических устройствах, которое можно условно назвать собственно техническим, предметным, и знание о возможных способах создания таких устройств, взаимодействия человека с ними и их практической реализации, которое можно назвать технологическим (методологическим)¹.

Научное познание технического объекта, как отмечает В. В. Чешев, предполагает выяснение трех видов его характе-

¹ Зачастую в качестве самостоятельного объекта технических наук рассматривают трудовые действия субъекта, а также материалы, используемые в технике и технологии [7, с. 61]. Вряд ли это оправданно. Трудовые действия, в той степени, в которой они непосредственно включены в технологический процесс, представляют объект технологического знания. Вне этой непосредственной связи они рассматриваются определенными разделами психологии, эргономики, организации производства. Структура и свойства материалов изучаются также физикой, химией. Видимо, материаловедение является граничной областью знания между естественными и техническими науками.

ристик: морфологических (конструктивных), функциональных (технических, точнее, практических), естественных (природных) и их взаимной связи [7, с. 63]. Возможные морфологические и функциональные характеристики обуславливаются и ограничиваются в конечном итоге свойствами и закономерностями предметов и процессов природы. Но в ходе изобретения, конструирования, проектирования и создания технических устройств человек, используя возможности различного сочетания, связи свойств и законов предметов и процессов природы, преобразует их в соответствии со своими потребностями и целями, создавая такие объекты (и их свойства), которые в самой природе не существуют и не обуславливаются ее собственным саморазвитием, создавая такие искусственные связи природных объектов, которые в естественном виде не проявляются.

Во взаимной связи морфологических, функциональных и естественных характеристик технического объекта решающей является, видимо, функциональная характеристика, именно она обуславливает (задает) специфику объекта как технического объекта и соответственно его морфологию и возможность использования (выбора) определенных свойств и законов природного объекта. Во взаимосвязи технического и технологического знания ведущая роль принадлежит последнему, ибо именно на его основе создаются и совершенствуются технические устройства, причем уровень технологического знания во многом определяет реальные возможности создания тех или иных технических устройств.

Хотя технические объекты и функционируют в соответствии с законами природы, но законы их изменения и развития, конечно, отличаются от законов природы. Как отмечают В. Г. Горохов и В. М. Розин, технические объекты выступают, во-первых, как подчиненные законам природы, во-вторых, как продукты инженерной деятельности и, в-третьих, как включенные в практическую целесообразную деятельность [4, с. 76]. Технические объекты обладают рядом социальных параметров: экономичностью, надежностью, удобством в эксплуатации, определенными эстетическими качествами, экологическими характеристиками и т. д. Это очевидно проявляется в конструировании и проектировании технических устройств и особенно технологических процессов, при котором необходимо учитывать их социальные параметры, а также организацию и экономику производства и т. д. Создание все более сложных технических устройств требует специального исследования возможностей и роли человека во взаимодействии с ними. Таким образом, технические объекты представляют определенную природно-социальную систему, их функционирование реализует социальные цели и изменяет социальные условия. Поэтому технические науки тесно связаны с общественными, которые изучают социальную роль технических объектов как средств и продуктов труда, законы их развития. Можно согласиться с Е. В. Поповым в том, что ни технический объект, ни технические науки не содержат общественного критерия целесообразности того или иного проекта. Какие технические замыслы должны быть реализованы, а какие нет — эти проблемы могут быть решены лишь общественными теориями [6, с. 139].

Технические науки отличаются от естественных и по своим целям и задачам. И естествознание, и технические науки, без-

условно, связаны с материальным производством и определяют-ся им (естествознание — в конечном итоге, технические науки — непосредственно). Связь естествознания с производством — слож-ная и опосредованная, развитие естествознания непосредственно обусловлено главным образом его внутренней логикой. Техни-ческие науки в большей степени выступают как непосредствен-ная производительная сила, они функционируют в системе материального производства, их развитие обусловлено преиму-щественно непосредственными потребностями производства.

Целью естествознания является познание закономерностей природных объектов. Цель технических наук — использование законов, открытых естествознанием для практического преобра-зования природных объектов в технические, создание новых технических объектов и познание процесса этого преобразования, а также строения и функционирования технических объек-тов в их взаимосвязи. Такое познание предполагает выяснение, открытие новых связей и следствий законов природы¹. В экспе-риментальном естествознании тоже осуществляется материаль-ное изменение природных объектов с помощью техники (экспе-риментальных установок, приборов и т. д.), но здесь это изме-нение (и техника) выступает главным образом как средство познания. В технических науках познание является средством практического преобразования природных и технических объ-ектов. Решение технической задачи включает в себя ряд этапов, но оно необходимо предполагает создание нового технического объекта (или его совершенствование).

Потребности развития естествознания ставят перед техниче-скими науками задачи по созданию новых технических средств познания (экспериментальных, вычислительных и др.). Вместе с тем в процессе развития технических наук возникают пробле-мы, которые должны решаться естествознанием. Поиск путей разрешения собственных проблем в естествознании, особенно на теоретическом уровне, обладает значительно большей степенью свободы по сравнению с техническими науками, где рамки поиска сравнительно жестко ограничены определенными объек-тивными условиями и требованиями. Как отмечает Г. Н. Вол-ков, вероятность получения положительного результата на ста-дии фундаментальных (теоретических) исследований составля-ет 5—10%, на стадии прикладных исследований — 85—90%, на стадии технических исследований — 95—97% [1, с. 182].

¹ В связи с этим представляется весьма неточной довольно распростра-ненная схема связи науки и производства: «наука — инженерия — произ-водство», где под инженерией понимаются изобретение, проектирование, конструирование [4, с. 79]. По этой схеме инженерия, так сказать, исключает-ся из науки. На самом деле инженерное конструирование, проектирование представляют деятельность по производству научных технических знаний, научную деятельность.

Естествознание и технические науки отличаются и по методам познания. Разумеется, и в технических науках применяются общенаучные методы (наблюдение, эксперимент, обобщение, абстрагирование, моделирование, гипотеза и т. д.), но здесь они должны учитывать и возможности массового или хотя бы серийного производства новых технических объектов и их соответствующие социальные параметры.

Как отмечает М. Л. Лезгина, роль методологических, регулятивных принципов в естествознании выполняют определенные теоретические представления, например, принципы причинности, наблюдаемости, простоты и т. д. в физике. В технических науках на первый план выдвигаются принципы построения технологического процесса и условия самого производства, определенные технические правила, которые могут иметь весьма упрощенный вид по сравнению с принципами естествознания, например, правила буравчика, левой и правой руки в электротехнике и т. п. [5, с. 247]. Специфическими формами научно-технического познания являются проектирование, конструирование, в которых очень важную роль играют и специфические, расчетно-графические методы.

Между естественными и техническими науками существует определенное различие и в соотношении теории и метода, и в осуществлении теорией методологических функций. Содержанием естественнонаучной теории является главным образом знание о познаваемом объекте (предметное знание), которое не включает непосредственно знание о самой познавательной и преобразовательной деятельности (методологическое знание). Конечно, естественнонаучная теория, отражая законы существования и изменения природного объекта, его тенденции, осуществляя описательную и предсказательную функции, соответствующим образом направляет и регулирует познавательную и преобразующую деятельность и тем самым играет важную методологическую роль. Она позволяет поставить новую познавательную задачу, некоторые условия ее решения, но сама еще не содержит достаточного знания о том, что и как надо сделать для решения этой задачи, каким образом следует организовать в целом познавательную деятельность, т. е. теория не представляет еще сама по себе непосредственно метод решения задачи, а выступает его необходимой предпосылкой.

Техническая, особенно технологическая теория непосредственно направлена на познание способов и средств самой познавательной и практической деятельности, включает в себя знание об определенных операциях и соответствующей их последовательности в решении задачи по созданию новых технических объектов. Поэтому технологическая теория выполняет и определенную предписательную, рецептурную функцию, прямо указывает, что и как надо сделать для решения задачи. Это проявляется в соответствующих технических нормах, правилах, процедурах, в технологических картах и т. д. В технических науках предметное и методологическое знание сближаются и в определенном отношении совпадают.

В заключение отметим, что различие между естественными и техническими науками — относительно и что высказанные выше некоторые соображения по данному поводу носят весьма

конспективный характер и предполагают их дальнейшее развитие и конкретизацию.

Список литературы: 1. Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. — М.: Политиздат, 1976. 2. Волков Г. Техника. — В кн.: Филос. энциклопедия, т. 5. — М.: Сов. энциклопедия, 1970. 3. Головин А. И. Определение физики как науки. — В кн.: Философия и естествознание. — Харьков: Вища школа. Изд-во Харьк. ун-та, 1968. 4. Горохов В. Г., Розин В. М. Специфика технических наук в системе научного знания. — Вопросы философии, 1978, № 9. 5. Лезгина М. Л. Формы и методы научно-технической сферы познания. — В кн.: Социальные, гносеологические и методологические проблемы технических наук. — Киев: Наук. думка, 1978. 6. Попов Е. В. Гносеологическая сущность технического творчества. — Воронеж, 1977. 7. Чешев В. В. Специфика технического знания. — Вопросы философии, 1979, № 4.

Поступила в редколлегию 11.02.80.

А. А. МАМАЛУИ, канд. филос. наук,
Ю. И. ЗОЛОТАРЕВА

ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ И СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В СВЕТЕ МАРКСОВОЙ КАТЕГОРИИ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА.

Единство культуры и свободного времени со всей определенностью резюмируется в категории всеобщего труда — такова основная мысль предлагаемой статьи.

Теоретический анализ связи культуры и свободного времени приводит к выводу о том, что природа обоих феноменов определяется в соотношении с такой человеческой деятельностью, которая носит свободный творческий характер и в конечном итоге направлена на саморазвитие человека как субъекта общественно-исторического процесса. Слова К. Маркса «труд есть *положительная, творческая деятельность*» [1, т. 46, ч. II, с. 113] вскрывают самую существенную определенность любого человеческого труда, действительно присущую ему в той мере и постольку, в какой и поскольку он является выражением всеобщего в деятельности, а потому полностью приложимы только к всеобщему труду как таковому во всей его конкретности и целостности.

В разное время различные авторы (А. С. Ахизер, Г. С. Батищев, В. Т. Келле, И. Н. Сиземская, В. И. Толстых, Б. И. Шенкман) так или иначе обращали внимание на то, что всеобщий труд совпадает со свободной самодетельностью. При всем различии сделанных ими акцентов можно признать преобладающей тенденцию связывать самодетельность как особую социальную форму всеобщего труда и живого бытия человеческой общности с преодолением общественного разделения труда. Всеобщий труд на практике утверждает социальное единство деятельности, преодолевая не только противоположность, но и односторонность как физического, так и умственного труда в их абстрактной отделенности друг от друга, устраняя расщепление деятельности на рефлективную и предметную, творческую и ме-

ханическую, продуктивную и репродуктивную, свободную и несвободную. Всеобщность труда достигается на путях гармонизации материального и духовного моментов в трудовой деятельности каждого отдельного человека, каким бы особым ее видом он ни был занят. Вместо антитезы труда по производству вещей и труда по производству идей он выдвигает такую форму деятельности, в которой эксплицируется доселе скрытая сущность их обоих, — труд по производству общественных отношений, «производство самой формы общения» [1, т. 3, с. 70].

Не исключая предметно-объектной дифференциации труда и соответствующего распределения его между совместно действующими индивидами, всеобщий труд кладет конец разьединению всеобщих сущностных моментов человеческой деятельности, их дроблению и пожизненному профессиональному закреплению за различными людьми и социальными группами. В его рамках теряет всякий смысл та исторически преходящая, временно необходимая двойственность труда, которая представлена дивергенцией труда абстрактного и конкретного, общественно-го и частного, всеобщего и совместного, труда как субстанции стоимости и как создателя потребительной стоимости. Не безудержное накопление богатства прошлой деятельности для частного присвоения плодов деятельности настоящей, не монопольное обладание миром внешней объективности для своекорыстного манипулирования миром человеческой субъективности, не общение посредством отчуждения предметного бытия прежнего труда в целях подчинения труда живого, актуального, а именно сам творческий процесс созидания в единстве с его результатом и всеми другими атрибутивными факторами общественного осуществления, безграничное воспроизводство и свободное самоутверждение совокупных сущностных сил человека-творца в целостной предметно-преобразующей деятельности как первой жизненной потребности и самоцели подлинно человеческого существования, — вот что полагает и чему придает высший смысл и самооценность всеобщий труд. Для него важен не сам по себе голый продукт-результат, оставляющий за собой продуцирующую деятельность в качестве всего лишь использованного средства и предполагающий (вследствие отделения от деятельностно-созидающей субстанции собственного бытия) разрыв между производством и его внутренне необходимыми моментами: распределением, обменом и потреблением, а результат в единстве со своими предпосылками и с созидющим его процессом как форма самовыражения и адекватного закрепления деятельностной активности субъекта. Поэтому распределению, обмену и потреблению, поставленным в сугубо внешнюю связь с производством в качестве превращенных общественных форм движения уже (в полнейшем безразличии к тому, кем и как) произведенного продукта и поэтому представляющимися априорными, надчеловеческими силами, от которых люди зависят никак не меньше, чем от слепой природной стихии или, как верующие, — от божественной благодати, все-

общим трудом противопоставляется распределение, обмен и потребление самой производительной деятельности как единства распредмечивания и опредмечивания. Во всеобщем труде имеет место не распределение, обмен и потребление живой деятельности в соответствии с отчужденными от нее распределением; обменом и потреблением прошлой деятельности, а распределение, обмен и потребление опредмеченного бытия прошлой деятельности во взаимном соответствии с запросами живой актуальной деятельности.

Всеобщий труд и конституируется в качестве объективно реального, деятельно-практического осуществления универсальной целостности общественного бытия посредством внутренне не ограниченного и, в этом смысле, открытого процесса диалектического снятия противоположности природного и социального, предметного и рефлексивного, материального и идеального, объективного и субъективного факторов человеческой жизни: сознательного материального преобразования природы в неисчерпаемое предметное тело, функциональный орган и культивируемое средство самоутверждения человека и человеческого в мире с помощью адекватного распредмечивающего отражения и представления в одних социально модифицированных (общественных) формах предметного бытия опредмеченной всеобщей сущности других объективно реальных, материальных (природных и социальных) форм бытия. Поскольку во всеобщем труде реализуется единство живой и опредмеченной деятельности, а вместе с ним — взаимопревращение опредмечивания и распредмечивания, постольку в нем отношение субъекта к объекту предстает в качестве объективно реального отношения субъекта к субъекту, т. е. как материальное общественное отношение. Материализация актуальной деятельности субъекта опосредствована необходимостью соответствия собственной природной сущности объекта, но не самой по себе, а в форме предметного снятия предшествующей деятельностью. Имманентные характеристики объекта составили внутреннее содержание деятельности и собственное достояние субъекта не в форме внешней необходимости, а в той форме, в какой усвоивший их прошлый труд сохранен и оживлен настоящим, т. е. в форме предметного средства и условия актуальной деятельности. Труд здесь проявил и утвердил себя как такое развитие «самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме» [1, т. 46, ч. I, с. 281]. Обмен веществ и энергии между человеком и природой превратился в обмен деятельностью между людьми. Формирование объекта по его собственным меркам раскрыло себя как реализация субъектом своей способности делать самого себя высшей самоцелью собственной деятельности. Специфическая логика объекта воплотилась в имманентную логику общественного субъекта. Изме-

нение внешних обстоятельств совпало с самоизменением [1, т. 42, с. 262] человека. Творение объекта оказалось самосозданием субъекта, труд — свободной самодеятельностью, всеобщее в деятельности — освоенным достоянием и творческим «произведением» каждой особенной деятельности, приложение производительных способностей человека — способом их развития, всеобщий труд — всеобщей потребностью и смыслом жизни.

В этом самораскрытии всеобщего труда, получившем прозрачно ясное выражение уже в самом его названии, устанавливается искомое основание для понимания культуры как общественно-исторического способа производства человека и свободного времени как временного бытия культуры, времени культивирования человеческого в человеке.

Между тем в антагонистических формациях культурно-творческая миссия труда прочно погребена под толстым слоем превращенных форм труда — работы [3, с. 386], исторически необходимых в качестве базиса и средства развития всеобщих производительных потенций человека, но пока еще за счет ограниченного полагания последних в их отдельных, обособленных и потому отчужденных способах выражения. Все многообразие этих превращенных форм, за которыми ускользает всеобщность человеческого труда, производно от способов присвоения либо живой деятельности для обладания продуктами-результатами прошлой деятельности, либо предметно-вещественного бытия прежней деятельности для господства над деятельностью актуальной, и, в конце концов, подчинено и обращено на частную монополию средств и времени саморазвития человека.

Однако, как бы беспощадно ни выхолащивалась универсально-всеобщая природа человеческого труда его подневольными формами существования, она тем не менее так или иначе сохраняет и удерживает себя во всех своих изменениях и отрицаниях, посредством их и вопреки им. В антагонистических формациях всеобщий труд расщепляется и существует в двух «ипостасях»: как более или менее скрытый абстрактный момент любого вида труда и как тяготеющий к совпадению с особым видом деятельности, отчлененной от непосредственного труда в материальном производстве, — с деятельностью в духовном производстве. Но на протяжении многих тысячелетий выделение духовного производства не ставило под вопрос непосредственную включенность духовной деятельности в материально-производственную: материальное производство в известных пределах не было сферой общественного разделения труда в том его крайнем выражении, которое названо К. Марксом и Ф. Энгельсом действительным и прямо определялось ими через разделение материального и духовного труда [1, т. 3, с. 30]. В наиболее полной мере таковым его делает лишь капиталистическое общество в силу отчуждения им общественной формы

труда и его духовной потенции от самого труда. При господстве капитала труд потерял «всякую видимость самостоятельности» [1, т. 3, с. 67].

Если в прежние, докапиталистические периоды «самостоятельность и производство материальной жизни были разделены вследствие того, что они являлись уделом различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось, в силу ограниченности самих индивидов, второстепенным видом самостоятельности», то в буржуазную эпоху «они настолько отделились друг от друга, что вообще материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни — труд (который представляет собой теперь единственно возможную, но... отрицательную форму самостоятельности) выступает как средство» [1, т. 3, с. 67].

Эта диалектика утраты непосредственным трудом характера самостоятельности и обретения самостоятельной природы только совместным трудом, да и то лишь в отрицательной форме, обстоятельно раскрыта К. Марксом в единстве с анализом прогрессирующего отчуждения от индивидуальной рабочей силы и присвоения капиталом всеобщего духовного продукта общественного развития — науки. Диалектика всеобщего труда как снятия абстрактности отдельного труда в совместном труде имеет у К. Маркса и иной аспект — диалектику совместного труда и всеобщего труда в форме применения науки к материальному производству. Будучи отчужденным, оторванным от рабочей силы, всеобщий научный труд сам выступает в абстрактной форме, оказывая все более существенное влияние на развитие материального производства в основном лишь своими результатами, не превращаясь в имманентное достояние трудовой деятельности в качестве ее собственного процесса. В наибольшей степени это проявляется в капиталистической форме производственного приложения научно-технической революции [2, с. 134—152]. Сообщая практическую всеобщность абстрактному труду, капитализм не может не придать абстрактной формы и всеобщему научному труду, впрочем, как и всеобщему труду в остальных сферах духовного производства. Поэтому снятие абстрактности отдельного труда совместным трудом возможно лишь путем включения в последний (опять-таки в качестве абстрактного момента) всеобщего труда в особой форме — в форме производственного применения науки.

В соответствии с объективной сущностью свободного времени как времени всеобщего труда (временного бытия культуры) оно в классово антагонистическом обществе принимает различные формы. Поскольку универсально-творческий момент остается непреходящей сущностью производства даже в условиях крайнего отчуждения от непосредственного труда духовной деятельности и все большего превращения его в материально-вещественную деятельность, постольку свободное время

здесь сохраняется лишь как абстрактный момент — количественное выражение всеобщего труда, самосовершенствования деятельности, самодеятельности. Причем, в условиях капитализма свободное время как абстрактный момент рабочего времени (точнее, времени труда) представлен двояким образом: и в процессе снятия абстрактности индивидуального труда в рамках деятельности совокупного рабочего, и в процессе «обратного» проникновения продукта духовного (в первую очередь научного, но не только его) производства в материальное производство. Скрытым образом реализуется частичное совпадение «изменения обстоятельств» и «самоизменения» в пределах совокупного труда. Именно это и позволяет говорить о том, что культура даже в подобных условиях остается способом развития человеческой личности. В отличие от свободного времени, существующего как абстрактный, подчиненный момент времени труда в материальном производстве, свободное время как таковое представляется прежде всего временем, свободным от труда, временем не-труда, нерабочим временем. В своей противоположности необходимому рабочему времени и в качестве превращенной формы прибавочного времени свободное время внешне выступает не как время свободной творческой деятельности, а как время потребления. Отсюда — многовековая тенденция к исключению труда из сферы культуры и к замыканию последней лишь собственно духовным творчеством, поскольку оно наиболее явно реализует человеческие способности и наиболее ярко выражает развитие личности. На самом же деле материальное производство никогда не сводилось только к производству вещей — материальных благ, а всегда было не только необходимым условием существования человека, но и — в качестве генетического источника всеобщего труда в любой его форме — базисом производства и воспроизводства человека.

Именно всеобщий труд является специфически человеческой, непосредственно общественной формой накопления и передачи филогенетического и онтогенетического опыта в их взаимопревращении друг в друга, формой социально-исторической связи изменения внешнего мира и самоизменения собственной природы человека. Абстрактное определение производства человека как трансляции социального опыта (Е. Т. Бородин, В. Г. Панов и др.) конкретизируется в исторических определениях культуры как в своем качественном бытии — всеобщего труда, в своем количественном бытии — свободного времени, в своей сущности — способа производства человека.

Преодоление антагонистической формы существования свободного времени как частного присвоения прибавочного времени в его противоположности необходимому рабочему времени, устранение лежащей в ее основе антагонистической формы разделения рабочего времени на прибавочное и необходимое

осуществимо при том условии, что необходимый труд равномерно распределен между всеми работоспособными членами общества, а прибавочный труд в своей истинной форме как труд для общества превращен в равно необходимый для всех. Тем самым достигается сведение необходимого труда к минимуму, а свободное время превращается во всеобщее достояние. По мере соединения достижений научно-технической революции и непосредственно общественного, коммунистического труда реализуется на практике совпадение каждого конкретного труда со всеобщим трудом, благодаря чему любая человеческая деятельность становится свободной самодеятельностью, т. е. деятельностью по производству человеком самого себя.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. — М.: Наука, 1974. 3. Марксистская философия в XIX веке, кн. 1. — М.: Наука, 1979. 4. Мамалуй А. А., Золотарева Ю. И. О связи понятий культуры и свободного времени. — Вестн. Харьк. политех. ин-та. Серия «Этика, эстетика, научный атеизм», вып. 1. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1980.

Поступила в редколлегию 10.01.80.

Л. Д. ЛЕУТСКАЯ

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В этической и аксиологической литературе выделялись различные критерии ценностей [4, с. 8—9.; 9, с. 35, 43; 3, с. 16; 5, с. 18; 10, с. 54; 8, с. 54], однако вопрос о критериях нравственных ценностей не получил достаточного освещения, особенно в плане рассмотрения каждодневных обыденных ситуаций. В отношении критериев нравственных ценностей мы предлагаем системный подход, в котором бы отражалось не только само содержание критерия, но и определялся его носитель. Выделяются в связи с этим системы нравственных ценностей общества, группы, личности. Критерий нравственных ценностей определяется прежде всего степенью общности ценностной системы.

Критерием нравственных ценностей общества служит самый общий критерий — содействие нравственному прогрессу общества и личности, т. е. насколько выражен в системе нравственных ценностей общества нравственный прогресс общества и личности. На общественный прогресс, как наиболее общий критерий ценностей, указывали С. Ф. Анисимов, О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов и др. [3, с. 17—18; 6, с. 210; 9, с. 35, 43; 11, с. 126].

В данном исследовании акцентируется внимание на системе нравственных ценностей общества развитого социализма, в которой наиболее полно выражено общечеловеческое содержание,

хотя сохраняется и классовое начало. Содержание нравственных ценностей общества развитого социализма отражено в нормах и принципах коммунистической морали, нравственных идеалах, категориях морального сознания и этики.

Критерием нравственных ценностей групп и коллективов¹ общества развитого социализма служат нравственные ценности общества, с позиций которых выделяется социально значимая нравственная деятельность групп и коллективов.

Нравственные ценности общества должны гармонически сочетаться с нравственными ценностями групп и коллективов. В спорных случаях интересы и потребности общества, в которых отражаются, проявляются нравственные ценности общества, должны быть выше интересов и потребностей группы, коллектива. А это, в конечном итоге, оборачивается благом, как составной частью ценности, и для самого коллектива, и для отдельной личности.

Деятельность коллектива должна оцениваться не только по производственным показателям (выполнение плана, успеваемость в учебно-воспитательном коллективе), но и по нравственному климату коллектива, нравственному здоровью каждого его члена. В этом плане каждое нарушение трудовой дисциплины, расхищение государственного имущества должны рассматриваться как с точки зрения материального ущерба, так и с точки зрения морального урона членов коллектива (не только для самих нарушителей, но и для окружающих). Безнаказанность может способствовать распространению «потребительского микроба», потребительского, иждивенческого отношения к обществу, коллективу некоторых его членов с несформировавшимися нравственными ценностями.

Нравственные ценности общества личность усваивает не непосредственно, а опосредованно через призму различных социальных групп, составляющих микросреду личности. Сюда включаются прежде всего семья, учебно-воспитательный и производственный коллективы.

Знания о нравственных ценностях общества индивид получает в социальной группе (семья, учебно-воспитательный и производственный коллективы). Эмоциональное переживание полученных знаний также осуществляется в группе, посредством группы, ее оценок. Правда, степень опосредования нравственных ценностей общества, ценностями группы не одинакова для той или иной личности. Она определяется прежде всего уровнем развития сознания личности. Чем выше этот уровень, тем это опосредование группой меньше, и наоборот, на уровне обыденного сознания нравственные ценности общества воспринимаются в большей мере через призму социальных групп непосред-

¹ Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают коллектив специфической разновидностью социальной группы.

ственной жизнедеятельности личности. Но, как отмечает болгарский исследователь Стойко Попов, в любом случае справедливым является общий закон, согласно которому социальная макросреда, куда включаются и нравственные ценности общества, «воздействует на сознание личности через особенности социальной микросреды» [7, с. 62].

На научно-теоретическое сознание личности нравственные ценности общества воздействуют непосредственно именно в данный момент, но раньше это воздействие опосредовалось ценностями группы. Усвоенные личностью в детстве, юности многие привычки, вкусы, особенно в сфере быта, каждодневного общения часто остаются на всю жизнь, независимо от их истинной нравственной и иной ценности. Кроме того, независимо от уровня развития нравственного сознания, личность должна считаться с мнением и оценками окружающих, с нравственными ценностями тех социальных групп, в которых осуществляется ее жизнедеятельность. Другое дело, что в отличие от личности, находящейся на уровне обыденного сознания, личность с научно-теоретическим сознанием видит не только теневые стороны в деятельности группы, слабые, малодейственные элементы ее нравственных ценностей, но и знает истоки этих недостатков, а возможно, и пути их устранения. Поэтому личность с научно-теоретическим сознанием может непосредственно оказывать влияние на дальнейшее развитие нравственных ценностей группы. Но так или иначе критерием ее нравственных ценностей служат не только ценности общества, но и ценности группы, хотя, безусловно, не в такой мере, в какой нравственные ценности группы выступают для личности, не поднявшейся до уровня научно-теоретического сознания.

Микросреда личности всегда играла воспитательную роль, была критерием ее нравственных ценностей в различной мере, конечно, в каждом конкретном случае. Такими регуляторами служили род, племя, сельская община, мнение «света», престиж фирмы и т. п. Естественный авторитет (без авторитета нет воспитательного воздействия) группы в первобытном обществе сменяется авторитетом насилия и страха, жадности к наживе, дающей власть над другими, в классово антагонистическом обществе. Господствующие классы в своих узкоэгоистических целях используют также и религию. Авторитет семьи покоился на частной собственности, находящейся в руках патриархов семьи, а также на страхе перед богом.

Советское общество, ликвидировав частную собственность, отделив школу от церкви, государство от религии, создало объективные предпосылки для ликвидации частнособственнических и религиозных пережитков, хотя процесс этот очень сложный и длительный. На смену авторитету насилия и страха, власти частной собственности и религиозных заблуждений приходит авторитет доверия, уважения к человеку, свободы от всякого рода заблуждений. Но сама собой эта нравственная атмосфера не возникает. Она должна формироваться, тщательно создаваться

в группах непосредственной жизнедеятельности личности. И самое опасное здесь — формализм, расхождение между словом и делом, черствость, душевная глухота.

Авторитет семьи, как и авторитет школы, — это общественная ценность, которую нужно создавать и беречь. И если дома, в семье ругают учителя за то, что поставил «двойку», а в школе — плохих родителей, то это не способствует укреплению авторитета семьи и школы, отрицательно сказывается на воспитательном воздействии обеих групп. У ребенка может сформироваться анархическое и даже нигилистическое отношение к нравственным требованиям и запретам, исходящим из неавторитетного источника, что может послужить началом нравственного «нездоровья».

Возрастающая роль микросреды как критерия нравственных ценностей личности, особенно в процессе ее формирования, определяется также развитием НТР, миграцией населения, урбанизацией, усиливающимся потоком информации, интенсификацией самой жизнедеятельности личности. Важно, чтобы в этом калейдоскопе впечатлений и влияний формировалось и сохранялось «святое», возвышенное и уважительное отношение к родителям, учителям, преподавателям, наставникам, окружающим людям. Чтобы мнение группы удерживало от неценных поступков не только «на глазах» данной группы, авторитетных лиц, но и вне этого непосредственного контроля.

Среди составных элементов микросреды первостепенная роль в формировании нравственных ценностей личности принадлежит учебно-воспитательному и производственному коллективу.

Возрастающая роль трудовых коллективов в жизни нашего общества отражена в новой Конституции СССР [1, с. 7—8]. Актуальным в этом плане является и Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» [2].

Стабильный коллектив при ритмичном производстве, хорошо организованной идейно-воспитательной работе в большей мере способствует формированию и функционированию устойчивых нравственных ценностей личности. В свою очередь, недостаточно развитые нравственные ценности личности, ее неустойчивые убеждения, несформировавшиеся нравственные качества будут приносить урон, не прямолинейно, разумеется, а косвенно, в опосредованной форме, проявляясь в низкой культуре производства, дисциплине труда. Важно, чтобы, с одной стороны, учебно-воспитательные и производственные коллективы обладали высоким уровнем развития нравственных ценностей, действенным общественным мнением, а с другой — каждый трудоспособный член общества был охвачен коллективом. Тем более, что некоторые члены нашего общества сознательно уклоняются от работы в трудовых коллективах. Как показали конкретно-социологические исследования, проведенные лабораторией социологических исследований Ужгородского государственного университета с участием автора, члены религиозных сект предпочитают выезжать на сезонные работы, но не работать в постоянном коллективе.

Критерий нравственных ценностей необходим для того, чтобы различать истинные и ложные нравственные ценности. Кри-

терий нравственной ценности общества развитого социализма определяется содержанием и степенью общности той или иной ценностной системы, для которой он выделяется. Критерием нравственных ценностей на уровне общества служит самый общий критерий — выражение нравственного прогресса общества и личности в системе нравственных ценностей общества. Критерием нравственных ценностей группы выступают нравственные ценности общества, выраженные в форме нравственных норм, принципов, категорий морального сознания и этики, которые, в свою очередь, детерминированы общественной нравственной практикой. Критерием нравственных ценностей личности также служат нравственные ценности общества, опосредованные и специфически преломляемые через призму определенных групп и коллективов, в которых непосредственно осуществляются различные сферы жизнедеятельности личности.

Выделение различных критериев нравственных ценностей общества развитого социализма не абсолютно. По своему самому общему содержанию они едины — отражают нравственный прогресс общества и личности. Но форма проявления различна, в зависимости от степени общности нравственной ценностной системы. В практике управления процессом формирования нравственных ценностей как на уровне воспитания, так и самовоспитания, необходимо четко выделять различные по форме проявления критерии нравственных ценностей в зависимости от степени общности системы нравственных ценностей, в которой функционирует данный критерий.

В решении вопроса о критериях нравственных ценностей общества развитого социализма на уровне конкретного поступка необходимо особое внимание уделять роли социальных групп, составляющих микросреду личности.

Список литературы: 1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М.: Политиздат, 1977. 2. О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. — Правда, 1980, 12 янв. 3. Анисимов С. Ф. Ценности реальные и мнимые (Критика христианского истолкования и использования ценностей жизни и культуры). — М.: Мысль, 1970. 4. Бандзеладзе Г. Д. Проблема ценности и критика христианской морали. — М.: Знание, 1967. 5. Василенко В. О. Цінність і оцінка. — К.: Наук. думка, 1964. 6. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. — М., 1967. 7. Попов Стойко. Сознание и социальная среда. — М.: Прогресс, 1979. 8. Ребрин В. А. Общественное благо и общественный долг. — М.: Мысль, 1971. 9. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. — Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1968. 10. Этическое и эстетическое. — Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1971. 11. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1970.

Поступила в редколлегию 25.11.79.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ И ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ

Связь материалистической диалектики с естествознанием сама диалектична. Как методология материалистическая диалектика исследует философские основания конкретных научных дисциплин. При этом она испытывает благотворное влияние развивающегося естествознания. Это хорошо видно на примере проблемы развития. Всякий раз эта фундаментальная проблема философии привлекает к себе особо пристальное внимание именно тогда, когда появляется соответствующий «заказ», то есть, когда в самом естествознании возникает потребность в методологическом анализе понятийных средств, с помощью которых исследуются конкретные процессы развития в природе. Диалектико-материалистическая теория развития, выполняя такой «заказ», обогащается сама.

Исследования по теории развития стимулировала сравнительно молодая научная дисциплина — теория информации. Однако в этом случае основное внимание было сосредоточено на возможностях понятийного аппарата этой теории для выражения некоторых аспектов диалектико-материалистической концепции развития. Было предложено, например, эксплицировать само понятие «развитие» на основе концепции разнообразия [7]. Развитие определено как изменение разнообразия в материальной системе. Это позволило применить методы теории информации для измерения различных характеристик развития (степени, темпов, направления). Постепенно сложился подход к исследованию развития на основе «информационного критерия». Суть этого подхода в том, что для материальной системы вводится мера — количество информации. В зависимости от изменения информационного содержания системы можно судить о самом процессе развития.

Надо заметить, что А. Д. Урсул не абсолютизирует предложенный им критерий. Он подчеркивает: «Мы не считаем информационный критерий ни единственным, ни универсальным критерием развития. Разумеется, существуют и могут еще выявиться другие критерии развития». Но этот критерий, по мнению А. Д. Урсула, «в философском плане является новым» [8, с. 178]. Обращению к информационному критерию развития способствовало, по-видимому, то обстоятельство, что методами теории информации были получены данные об информационном содержании различных по сложности объектов: макромолекул, одноклеточных организмов, сложных организмов и т. п.

В настоящей статье мы хотим показать, что характеристика развития как простого увеличения информационного содержания системы является лишь первым приближением и что более адекватное описание развития, исходя из информационного критерия, достигается при учете ценности информации.

Одним из первых на первостепенное значение в развитии живых систем не количества информации, а ее ценности указал основатель кибернетиче-

ского подхода в биологии, советский ученый И. И. Шмальгаузен. В его трактовке под количеством информации понимается мера сложности объекта, а ценность информации оказывается важной характеристикой функционирования живых, и вообще кибернетических систем. В настоящее время имеется два наиболее перспективных подхода к определению ценности информации. Первый предложен еще в 1960 г. А. А. Харкевичем [9]. Здесь ценность информации определяется через приращение вероятности достижения цели. Второй подход разработан Р. Л. Стратоновичем [4]. Мерой ценности здесь выступает функция близости цели — так называемая «сумма штрафов». Как видим, попытки определения ценности информации связаны с целевым подходом.

Целевой подход используется в ряде работ как метод описания и объяснения особого класса объектов — самоуправляемых и самоорганизующих систем. Б. С. Украинцев связывает понятие «цель» с результатом, на достижение которого направлены определенные действия. Причем, результат в одном случае может достигаться сознательно, целенаправленными действиями. В другом случае целенаправленность «осуществляется материальными средствами и не связана с сознанием, она выражена структурами материальных систем, одним из примеров чего служит генетический код» [6, с. 27]. Такое понимание согласуется с принятым в работах по теории информации делением информации на два вида: информацию-знание и структурную информацию.

До последнего времени ценностный подход в большинстве работ связывался с оценкой познающим субъектом тех или иных явлений, предметов, свойств, то есть, понятие ценности считалось социально-научным. Так, по определению И. С. Нарского, «...ценность объективна по природе и субъективна (зависит от субъекта) по способу актуального существования» [3, с. 63]. Еще более категоричен В. П. Тугаринов: «Ценности — суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны и прочее) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [5, с. 51].

Эти определения основываются на специфически социальном понимании объектов окружающего мира. Однако, по нашему мнению, такая трактовка ценности в настоящий момент не является уже исчерпывающей. И связано это прежде всего с необходимостью выявления объективного содержания ценности информации.

Проблема объективного содержания ценности вообще, и в частности ценности информации, весьма актуальна в настоящее время в плане методологическом, то есть в плане укрепления связи диалектико-материалистического мировоззрения с современным естествознанием, и прежде всего с теми разделами, которые исследуют механизмы функционирования живых систем на всех уровнях, включая предбиологические информационные образования. Не случайно, по-видимому, Л. Бриллюэн замечает: «Когда мы дойдем до проблемы ценности, то мы начнем уже вторгаться на территорию, принадлежащую философии» [1, с. 16].

Смысл и значение понятия «ценность информации» для характеристики самоорганизующихся систем мы рассмотрим на материале теории М. Эйгена о возникновении и развитии информационных предбиологических макромолекул [10]. В качестве возможного начального этапа в возникновении жизни на Земле М. Эйген рассматривает полинуклеино-белковый гиперцикл. Отличие этого процесса от обычно предполагаемого механизма образования макромолекулярных цепей в том, что взаимодействие мономерных единиц происходит с определенной избирательностью. Отсюда следует, что вероятность образования макромолекулярной цепи гораздо выше, чем рассчитываемая из предположения о случайном характере столкновения исходных компонент.

М. Эйген считает, что в статистической системе, являющейся носителем структурной информации, информацию представляет каждое состояние. Для

предбиологических структур можно указать на три фактора, характеризующих «селективную ценность», то есть то свойство, которое обеспечивается избирательным характером взаимодействий. Это — скорость образования структуры, скорость ее распада и фактор «качества», который определяется возможностью ветвления реакции в промежуточном состоянии. Определенная комбинация этих трех факторов, зависящая от конкретных внешних условий, и определяет «селективную ценность».

Эти три фактора являются внутренними для данной системы, и по мере развития системы их роль возрастает, тогда как роль внешних факторов (условий) уменьшается. Естественный отбор при таком подходе можно истолковать как процесс оптимизации. В этом процессе актуализируются структуры с максимальной селективной ценностью. Можно утверждать, что выработанный в процессе эволюции способ передачи генетической информации посредством макромолекул ДНК и РНК представляет собой по существу оптимальный процесс, а сами молекулы ДНК и РНК обладают наибольшей селективной ценностью. В свою очередь, актуализация максимальной селективной ценности обусловлена постоянством динамических законов и избирательностью взаимодействий.

Избирательность обуславливает комплементарность азотистых оснований в информационных макромолекулах, в результате чего формирование макромолекулы происходит по альтернативному принципу. Именно такое ограничение, как показал эксперимент, приводит к тому, что транспортная РНК имеет специфическую форму типа кленового листа. Оказывается, что такая форма обладает преимуществом, вследствие чего такой тип транспортной РНК стал обладателем максимальной селективной ценности, и вследствие отбора доминирующим [10].

Другая разновидность информации — информация-знание обнаруживает в своем развитии черты, сходные с развитием структурной информации. В настоящее время в рамках «философии науки» широкое распространение получили «эволюционные» модели. Достаточно напомнить о концепциях К. Поппера, И. Лакатоса, С. Тульмина и других. К. Поппер в качестве модели роста научного знания берет дарвиновскую теорию эволюции, дополненную представлениями современной генетики. В дальнейшем эта концепция трансформировалась у К. Поппера в так называемый метод альтернатив, суть которого заключается в том, что при наличии некоторой гипотезы задача состоит в том, чтобы отыскать для нее альтернативу и в ходе критики таких взаимоисключающих или существенно отличающихся друг от друга гипотез выявлять и устранять ошибки. По мысли К. Поппера, полученная таким образом информация будет больше той, которую можно получить из обеих гипотез, взятых порознь.

Основная слабость этой и подобных ей концепций состоит в недооценке связи социально-практической деятельности людей с наукой, в понимании науки только как особого рода деятельности, не связанной с социально-экономической жизнью общества. Вместе с тем метод альтернатив, при истолковании его с позиций материалистической философии, есть ни что иное

как проявление закона диалектического противоречия в развитии научного знания. С этих позиций альтернативный метод представляет собой сознательное сталкивание друг с другом противоположных гипотез, их проникновение и взаимополагание. Но диалектика предполагает также и взаимопереход противоположностей, их диалектическое единство в синтезе. Именно это обстоятельство не учитывают авторы эволюционных моделей в трактовке метода альтернатив. Когда физическая теория сталкивается с фактами, которые она не может объяснить, возникает совокупность новых теорий (гипотез). В дальнейшем образуются две противоположные программы объяснения и предсказания. В ходе их «борьбы» складывается синтетическая теория, диалектически снимающая противоположность предшествующих объяснений. В качестве наиболее яркого примера такого процесса можно указать на формирование современных представлений о природе света.

С позиций информационного подхода факторами, обуславливающими ценность той или иной теории или гипотезы, выступают методологические принципы (простоты, наблюдаемости, соответствия), которые имманентно присущи развитию научного знания и являются ограничениями множества логически возможных построений, базирующихся даже на одних и тех же научных фактах. С другой стороны, первостепенное значение имеют и внешние факторы — социально-культурные потребности. Такая точка зрения основывается на социологическом определении ценности, которое «состоит в том, что оно указывает на социальные обстоятельства, обуславливающие ситуацию предпочтения... Ценности обнаруживают себя в ситуациях предпочтения, то есть, в таких ситуациях, когда социальный субъект должен сделать выбор, но условия выбора таковы, что все потребности и интересы удовлетворены быть не могут» [2, с. 203].

В ситуациях оценивания определенным образом реализуется принцип переработки информации. В данном случае переработка заключается в выделении инвариантных величин и отношений, представляющих собой наиболее ценную информацию. В модели М. Эйгена актуализация информационных структур происходит в самой природе, то есть, бессознательно.

Таким образом, в развитии структурной информации и информации-знания много общего. Однако значимость обоих видов информации для различных систем не одинакова. Если для самоорганизующихся систем типа полинуклеино-белкового гиперцикла определяющую роль играет структурная информация, то для функционирования и развития такой самоуправляемой системы, как общество, дело обстоит иначе. Здесь неизмеримо возрастает роль информации-знания о законах развития самой системы и законах внешнего мира.

Такой вывод существенно дополняет и уточняет информационный критерий развития. Только при определенном уровне накопления структурной информации начинает сказываться роль информации-знания. Знание выступает на первый план тогда, когда система становится относительно независимой от внешних воздействий.

Исходя из этих представлений, мы полагаем, что можно ввести относительный признак прогрессивности развития системы, а именно — соотношение в системе структурной информации и информации-знания. Информация-знание становится для самоуправляемой системы одним из важнейших факторов развития. В этом находит свое специфическое выражение положение о движущих силах развития любой системы, которые не даны заранее в готовом виде, но возникают в процессе развития.

Список литературы: 1. Бриллюэн Л. Наука и теория информации. — М., 1960. 2. Кендель В. М. К проблеме объективного содержания ценности. — В кн.: Вопросы методологии науки. — Томск, 1975. 3. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. — М., 1969. 4. Стратонович Р. Л. Теория информации. — М., 1975. 5. Тугаринов В. П. Проблема ценностей в марксизме. — В кн.: Проблема ценности в философии. — М.—Л., 1966. 6. Украинцев Б. С. Развитие в процессах управления. — Философские науки, 1978, № 6. 7. Урсул А. Д. Природа информации. — М., 1968. 8. Урсул А. Д. Информация. — М., 1971. 9. Харкевич А. А. О ценности информации. — В кн.: Проблемы кибернетики, вып. 4. — М., 1960. 10. Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. — М., 1973.

Поступила в редколлегию 16.04.80.

А. А. МАМАЛУИ, канд. филос. наук, В. В. ХРАБРОВ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ВВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА В ЛОГИКУ

Последовательность диалектической логики, претендующей на объективность, предполагает рассмотрение своего предмета в качестве момента естественноисторического процесса, а следовательно, и рассмотрение *естественноисторических предпосылок*, обусловивших возникновение самого мышления.

Попытка исследования мышления как естественноисторического развивающегося феномена впервые была предпринята Гегелем и явилась его несомненной заслугой. Положив в основу своей «Науки логики» принцип самодвижения как развитие внутреннего противоречия ее предмета, Гегель в качестве такого противоречия рассматривает способность понятия быть для себя основой и обоснованным. Понятие, мысль, идея обосновывают себя своим собственным развитием, из чего следует, что то, что есть результат, содержалось в неразвитой, «сжатой» форме уже в начале. Следовательно, развитие, по Гегелю, со-